

European Journal of Law and Political Sciences

Nº 3 2017

European Journal of Law and Political Sciences

Scientific journal

№ 3 2017

ISSN 2310-5712

Editor-in-chief Orzechowska Kamila, Poland Doctor of Law

International editorial board

Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Law,
Doctor of Economics
Gromov Vladimir Gennadievich, Russia, Doctor of Law
Isaeva Klara Asangazievna, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Ibraeva Alua Salamatovna, Kazakhstan, Doctor of Law
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Law,
Doctor of Political Sciences
Gromov Vladimir Gennadievich, Russia, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Jovanović Lidija, Croatia, Doctor of Political Sciences
Kartunov Alexey Vasilevich, Ukraine, Doctor of Political Sciences
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences

Mohammad Abu Taher, Bangladesh, Doctor of Law
Olteanu Oana, Romania, Doctor of Political Sciences
Ospanova Dzhamilya Azizkhanovna, Kazakhstan, Ph.D. of Law
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zaika Yuriy Alexandrovich, Ukraine, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review
“East West” Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1
1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Law and Political Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Commercial Law

*Shirokova Evgeniya Vladimirovna,
Russian State University of Justice,
E-mail: ShirokovaEVL@gmail.com*

THE UNIFIED IMMOVABLE PROPERTY COMPLEX: PROBLEMS OF REGULATION AND POSSIBLE WAYS OF SOLVING THEM

Abstract: The article is referred to appearance of a new object in the Civil Code of the Russian Federation: Unified Immovable Property Complex, regulation problems and their possible solutions.

Keywords: movable property, real estate, land, ownership rights, plot of land, essential part of ground area, registration.

Amendments to the Civil Code (CC) of the Russian Federation came into effect on 1st October, 2013 [3].

According to the Article 133.1 of the CC, Unified Immovable Property Complex is viewed as a totality of construction units, which share common purpose and, therefore, are inseparably connected physically or technologically. The same could be said about linear objects (railways, electricity transmission lines, pipelines and others) or objects located on one plot of land, if the registration entry for the right of ownership of the entirety of said items has been made to the Unified State Register of Rights in Immovable Property as one immovable property unit [1, Art. 133.1].

The Unified Immovable Property Complex (UIPC) does not include property rights, obligations, exclusive rights.

The specific feature of the legal regime of the UIPC is that it also includes movable property (for example, trade pavilion), which acquires the status of the real estate. The same Article 133.1 CC does not cover it.

In order to overcome probable jurisdictional conflicts in court practice, concerning, for example, the refusal in Unified State Register of Rights to Im-

movable Property, it is ought to be consolidated the following provision in Article 133.1 CC: The Unified Immovable Property Complex consists of movable property and real estate.

It is important to mention that the Federal Law No. 142-FZ defined only general provisions about the legal status of the UIPC.

The distinctive characteristic of UIPC lies in its object components, which differ from the general category of objects. From the analysis of Article 133.1 CC we can draw a conclusion that there are two methods for the consolidation of items in UIPC: physical and technological. The physical method implies coherent consolidation of all constructional items within UIPC, and that in itself is achieved by consolidation of both movable and real estate to ensure general interaction for common purposes. For example, UIPC, consisted of complex of the buildings, facilities and other units, which serve common purpose. Technological method represents consolidation of movable and real estate for technological demands. On the basis of judiciary practice, such method could applied to antenna structures of the verification test setup [9], cable line constructions [10] and so on.

The UIPC as a special object of civil rights can be a subject of variety of civil-legal contracts (purchase-sale, exchange, lease, donation). Along with that, CC does not provide for any special legal norms, which regulate peculiarities relating transactions with UIPC. It is assumed that the transaction, concluded with the UIPC, covers its component parts. Under the agreement of parties, this rule cannot be amended. It is essential to enact special chapter in the CC, which will be devoted to the legal regulation of the UIPC alone, as well as the procedure for the conclusion, execution and amendment of deals with the UIPC.

Legal norms regarding indivisible objects are applied for UIPC. It means that the objects in the UIPC become one whole, which cannot be divided in any way without being destroyed or damaged or without a change in its intended purpose [5, 167].

Registration of rights on the UIPC excludes following resale of its separate objects. It is backed up by the provision of the Supreme Court, in accordance to which constituent part of the UIPC is not considered to be a separate object of real estate and cannot have separate legal predestination [8].

Despite this fact and in accordance to the law, a simplified procedure of the registration of UIPC was enacted. Nevertheless, some problems keep occurring in the practice.

Due to ambiguous situations when it comes to UIPC registering, the Supreme Court in its Resolution as of June 23rd, 2015 № 25 gave following clarification “The Unified Immovable Property Complex must be registered as one object, otherwise this consolidation of items would not be seen as UIPC” [6].

The principle of merging of land sites and immovable objects situated of these very land sites lays in the purchase of buildings, structures, property ownership rights for the land will pass to the buyer [2]. As the practice of the judiciary shows, taking decisions as indicated in the Supreme Court ruling of the Russian Federation as of 12.08.2014 Court decision № 18-KG14-76 [7].

As the Unified Immovable Property Complex was enacted in the Civil Code of the Russian Federation, it seems interesting to pay attention to the regulation of this legislation matter of other countries.

As an example, we can look into the English practice. Real estate matters finds its regulation in the Law of Property Act.

In contrast to Civil Code of the Russian Federation, in English Law there is not division between movable and immovable items. Whatever stands on the land area could not be separated from the building – this is an indivisible object. Unlike in the Russian Federation, in English law the term “building” as a free-standing object does not exist. Real estate is a status of an immovable item, therefore all other objects on the land do not have precise legal regulations, because of the inability to separate them from the land, which is reflected in the term “freehold estate”. This signifies the land, which includes everything that is under and on the land itself. The only exception from this rule are historical buildings in Great Britain. For example, in this sense buildings, constructions, trees and pipelines will refer to the land in the sense of the immovable item. Here you can see the similarity with the Russian Unified Immovable Property Complex. However, in comparison with the English law the term land and its law regulation takes place not only in the Civil Code, but also in the Land Code of the Russian Federation. Moreover, in comparison with Great Britain, Russian Federation has real estate cadaster [11].

§ 94 Civil Code of Germany indicates that things relating to ground areas, which are firmly bound by land and rights, are connected with the property ownership right for the land. There are, for example, buildings, plants – for landing, planted seeds, constructions [12].

In German law the connection between the ground area and objects, located on it are followed firmly. Essential component parts of land grounds and buildings cannot be a subject of individual

rights according to the § 93 Civil Code of Germany. Which means that, buildings and objects are one and whole [12].

The transition to the German model civil-legal regulation of the turnover of real estate – model of ground area as a united object of real estate seems to be reasonable. To realize this, we need to enact some changes in the Russian civil legislation: to create the term essential part of ground area. This amendment simplifies the registration procedure for these objects, their taxation, possibility of their control by the state. On the other hand, this in-

novation the order of appearance, modification and termination of the rights to these objects. It is also important to clarify in the Civil Code, which objects will end up as properties' components, for the sake of a united legal system.

Based on everything said above, we come to the conclusion that nowadays there are hardly enough legal provisions, which regulate legal status of the UIPC. The enactment of the Federal Law No. 142-FZ stipulates that legal relations concerning UIPC are incomplete. In this regard, the incorporation of appropriate amendments seem essential.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994. No. 51–FL (rev. 29.07.2017) (as amended 06.08.2017).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated 26.01.1996. No. 14–FL (rev. 28.03.2017).
3. Federal Law dated 02.07.2013 No. 142 “Amendments to subchapter 3 chapter I part 2 of Civil Code of the Russian Federation” // Russian newspaper, – No. 145. 05.07.2013.
4. Averchenko N. N. Legal regime of complex objects. Saint Petersburg. – 2005. – 264 p.
5. Andropov V. V., Gongalo B. M., Krasheninnikov P. V. (Russ ed. Krasheninnikov P. V., Moscow) Article-for-article commentary for units 6–8 of the Russian Federation, – Moscow. – 2014. – 269 p.
6. Ruling of the court of the Russian Federation Supreme Court plenary session, – 2015. – No. 25. Applying bylaws subchapter I part I of Civil Code of the Russian Federation // Directory inquiries “ConsultPlus” – 2016. – No. 18.
7. Ruling of the court of the Russian Federation Supreme Court – 2016. – No. 18–KG16–61 // Directory inquiries “ConsultPlus”.
8. Ruling of the court of the Russian Federation Supreme Court – 2014. – No. 18–KG14–76 // Directory inquiries “ConsultPlus”.
9. Ruling of the court of Federal Autonomous service in Moscow district, – 2012. case No. A40–6408/11–145–72 // Directory inquiries “ConsultPlus”.
10. Ruling of the court of Arbitration in Northern-West district, – 2015 case No. F07–2444 / 2015, case No. A56–57758/2014 // Directory inquiries “ConsultPlus”.
11. Law of Property Act (2017). Available at: URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/15–16/20> (accessed 19.08.2017)
12. Bürgerliches Gesetzbuch (2017). Available at: URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/BJNR001950896.html> (accessed 19.08.2017).

Section 2. International relations

*Çuka Ersida,
University of Tirana,
MsC in History and International Relations,
Faculty of History and Philology
E-mail: ersidacuka@gmail.com*

TERRORISM AND GLOBAL SECURITY

Abstract: Terrorism is one of the factors that has a direct impact on people's life nowadays. Even though it has a long history the governments worldwide started to become aware of its congruences just after September 11th, 2001. In the era of globalization where the links between states have expanded, there is a free movement of individuals, together with goods and capitals is extended the de-territorialisation of terrorism. One the organization that is expected to use any strategy in fighting terrorism is NATO. Even though it is a powerful organization there are differences in treating terrorism inside the member countries, the general opinion is that combating terrorism requires a comprehensive effort to unite political, economic, diplomatic and military actions as well as legal coercive measures.

Keywords: Terrorism, Security, NATO, International, globalization.

Introduction

Terrorism phenomenon was not born today or even 16 years ago when everyone declared it as the main danger to mankind, based on the terrible consequences of the terrorist attack on New York in 2001. His appearances have been observed since the early times of mankind's history and then in the middle ages. During the French Revolution and starting from the second half of the twentieth century, terrorism has become a common feature of international life which has implications for state, regional and international security. Although the scope of terrorist acts has been expanded, the forms and techniques of action are sophisticated, the weapons they use are diversified, their objectives and intentions are essentially the same: the violent and indomitable violence against the opponents.

Conduction

Terrorism is regarded as an asymmetric war that has become a major threat to international security, despite the fact that its origin is thousands of years old Mingest [3, 271]. Since the beginning of this century, terrorism has turned into a phenomenon present in everybody's life. Just imagine a train station, a movie theater, a subway in major European cities, a shopping mall, an airport or a plane that could be a target to attack for a terrorist organization and realize how vulnerable and endangered we all are.

In the era of globalization where the links between states have expanded, there is a free movement of individuals, goods and capitals, there is an influx of immigration from developing countries to western countries, and terrorist elements move relatively freely with and without documents, also

the achievements of science and technology are accessible to all, consider these factors terrorism has known to benefit also.

It has been adapted and has gained new features by surviving and being perfected.

Thus, after the Cold War, terrorism begins to be global. Terrorist organizations, such as Al-Qaida, Hezbollah, ETA, IRA, ISIS, etc., operate in organized forms. Their acts are more programmed and difficult to predict. This is a new terrorism that uses the most sophisticated methods and ways of action. Evidence of the terrorists' effectiveness is the US strike on September 11, 2001. The heartbeat of New York, where the World Trade Centre and a part of the Pentagon were destroyed as a result of the crashing of aircraft, captured by Al Qaeda terrorists is one of the most significant and most typical acts of terrorist power.

What happened on September 11th was, of course, far more devastating than sporadic terrorist attacks in the family or isolated incidents that some Middle Eastern terrorists had been responsible for. Whittaker [7, P. 66–67]. American experience shows that a terrorist can move beyond all conventional human boundaries and healthy minds. This helped the United States build a coalition all over the world against the terrorists and also trigger a debate about security that continues still today.

The string of terrorist attacks continued in 2002 in Bali, in October 2002 in Moscow, in November 2003 in Istanbul, in February 2004 in the Philippines, in Madrid in March 2004, in 2005 attacked London and Sharm el-Sheik 2006 was attacked Sri Lanka and Mumbai, in 2008 there were terrorist attacks in Turkey, India etc. So, the terrorism is not an isolated phenomenon, but the geographical extent of its attacks is quite wide. All these attacks prove that terrorism knows no boundaries as in cases when it is fed by internal factors and when it is triggered by relations between states. These events confirm that international terrorism undermines military, political, economic and social security both at national and regional and global levels. Even more

threatening terrorism is when it finds the support of different sovereign states such as Iran, Libya, Sudan, Syria, North Korea, Iraq, Cuba.

According to Jocelyne Cesari, throughout Europe, Islamic radicalism is partially attributed to dissatisfied young people of North African origin or converts Cesari [2]. In general, racism and de facto disparity in some European countries have expanded the ranks of the dissatisfied. In the post-Sept. 11 era, several factors have contributed to the radicalization of a minority within Muslim communities, including a new wave of intolerance towards Muslim immigrants and widespread economic deprivation as well as social and cultural stigma associated with these communities.

The growing trend of extremism among Muslim youth in the Diaspora, and its role in terrorism has attracted great interest in the Western world. Researches and surveys clearly show that terrorism and radicalism find more among young Muslims compared to their parents' time. It is difficult to understand this trend in the West because, contrary to their parents, new Muslim generations are relatively grown in a richer and more stable environment. They are richer and more educated than their parents were. Most of them are citizens of countries where they live and have more rights than their parents. The question at this point is that if they do not have a serious economic and political problem with the country they live in, why problems in other countries such as Palestine or Iraq, where they have never lived before, cause them a major damage to their personality and lead them towards extremism and terrorism. Why was not the Palestinian issue so important for parents to become extremists or terrorists in the past?

Despite its ideological-political, ideological-religious, ethnic or separatist rebellion, international terrorism today poses a major threat to civilization, democracy, human values and the future of peoples, and as such it must fight. NATO has been committed to ensuring the Euro-Atlantic region, as it has managed to defend Europe in the Cold War and is still

the only organization that can undertake such a campaign. But this war is very complex and extremely difficult, for some scholars to consider the failure of most terrorist efforts as a desired end (Fridman, 2010). Such an international response to a common risk requires the coordinated use of political, economic, legal, social and, if necessary, military methods. In this regard, NATO's available means make it undoubtedly one of the most well-equipped international organizations to deal with the threat of international terrorism Gurkan [5, P. 14–15].

Giorgi, Agamben in his book *Security and Terror* writes: "Borders become more and more porous and increase the perception of the great risk arising from the global circulation of invisible threats – dangerous goods, people, ideas, and dirty money – and national security has become de-territorialized" Agamben [1, P. 290–307].

In this struggle, which is a constant effort, great co-operation between NATO countries (North Atlantic Organization) is important, should be a priority combating terrorism with its partner countries. NATO countries continue to make extensive use of the partnership mechanisms to consult their partner countries for further steps. They are of the opinion that combating terrorism requires a comprehensive effort to unite political, economic, diplomatic and military actions as well as legal coercive measures.

This concept defines four categories of potential NATO military activity that include: (a) Counterterrorism and safeguards; (B) Conduct consequences, particularly from attacks involving National State Authorities (c) Offensive Terrorism and (d) Military Co-operation with Non-Forces Gurkan [5, 17]. But the question raised is: Will these countries cooperate and have interest to continue fighting terrorism or will look just their own business?

The UN can also continue to be an effective anti-terrorist force by increasing the legitimacy of military action and increasing the effectiveness of economic and political sanctions, strengthening and maintaining multilateral cooperation in the fight against

terrorism, and the establishment and maintenance of international accountability standards. Moreover, through its efforts to resolve regional conflicts, promote economic and social development, and rule of law development and good governance standards, the UN can improve the political, economic, and social conditions that terrorists require to exploit Oudraat [6, P. 163–164].

Since September 2001 an unprecedented global anti-terror campaign has resulted in the deaths or seizures of many leaders of various organizations including Al Qaeda. As a result, al-Qaeda is now more a hybrid organization than a hierarchical structure especially with the death of Osama bin Laden. According to the media and many researchers who have been dealing with terrorism issues like Eric Rosand, "Global Terrorism: Multilateral Responses to an Extraordinary Threat" think that the activity of this organization has dropped significantly but it has spawned successive groups, the movements inspired by it, but which are more individual. Many recent terrorist attacks have been carried out not by those trained in Al Qaeda camps in Afghanistan, but by self-initiated and often self-trained groups, they act without external assistance or guidance from what they can be called Al Qaeda hierarchy Rosand [4, 4].

Increased security and international co-operation have given their own impetus; however, vigilance should never be reduced, because while there are people dissatisfied with the West, there will be attacks on it. My paper I want to conclude with Paul Wilkinson's statement, "The fight against terrorism is like being a goalkeeper. You can make a hundred great expectations, but the only shot that people remember is what gets your past" Wilkinson [8].

Conclusions

In the era of globalization where the links between states have expanded, there is a free movement of individuals, free access on internet, there is an influx of immigration from developing countries to western countries, and terrorist elements move relatively freely with and without documents.

Without doubt terrorism has turned into a phenomenon present in everybody's life, the forms and techniques of action are sophisticated, also the wide weapons they use are diversified.

One of the organization that can play an important role in fighting terrorism is NATO (North At-

lantic Organization), great co-operation between member states is needed in order to seriously combat the terrorism. The UN can also continue to be an effective anti-terrorist force by increasing the legitimacy of military action and increasing the effectiveness of economic and political sanctions.

References:

1. Agamben Giorgi. "Security and Terror" Theory and Event, – Vol. 5. – No. – 2002.
2. Cesari Jocelyne. Muslims in the West after 9 / 11 Religion, politics, and law, Edited by Jocelyne Cesari, New York, – 2009.
3. Mingst A., Karen. Bazat e Marrëdhënieve Ndërkombëtare, Tiranë, AIIS, – 2008.
4. Rosand Eric. Global Terrorism: Multilateral Responses to an Extraordinary Threat. International Peace Academy, – 2007.
5. Gurkan Seda. Koha për tu bërë strategjikë mbi terrorizmin, Çështje të sigurisë 8. Tiranë. IDN, – 2008.
6. Oudraat, d.J. Chantal. "Combating Terrorism", The Washington Quarterly. (Autumn), – 2003.
7. Whittaker J. David. Terrorism Understanding the Global Threat, London: Pearson Education Limite, – 2002.
8. Wilkinson Paul. Daily Telegraph, September 1, – 1992.

*Karapetyan Mkrtich,
PhD candidate, Faculty of Political Science
University of Bucharest,
E-mail: mkrtich.karapetyan.ub@gmail.com*

THE RE-ACTIVATION OF THE KURDISH ELEMENT IN TURKISH-SYRIAN RELATIONS

Abstract: The article examines the developments that led to the re-emergence of the Kurdish element as a factor that greatly influences the relations between Turkey and Syria. It also touches upon Turkey's policy towards the Syrian Kurds during the beginning of the Syrian civil war, and aims at revealing the extent to which it influenced the strengthening of Kurdish positions in Syria.

Keywords: Turkish-Syrian relations, Kurdish issue, Syrian civil war, Middle East.

The Kurdish issue and Syria's support to the PKK had been the main obstacle in the relations between Turkey and Syria, which was resolved after the 1998 Adana agreement by which Damascus stopped its support of this organization. This led to the Syrian-Turkish rapprochement during the first decade of the 21st century and the Kurdish factor ceased to play a disturbing role in the relations of the two neighbors. Yet, the developments that followed the outbreak of the "Arab Spring" in Syria radically changed this situation.

During the initial phase of the civil war in Syria, the relative success of the rebel forces in the northern parts of the country, made the Syrian government to grant citizenship to around 200.000 Kurds [1]. This was an attempt to appease the Kurds and prevent them from siding with the armed rebels, which in a large extent was succeeded. The fact that Turkey, towards which the Kurds have an adverse attitude, was providing political support to Syrian opposition also contributed to the success of this strategy [2]. Damascus allowed the PKK and the PYD to operate inside Syria. In late 2011, as an instance, Syria had permitted the PYD to open Kurdish language schools in northern Syria, which were later being used for political purposes [3].

The aspirations of Syrian Kurds to create an autonomous unit with the example of Iraqi Kurds after the end of the war were gradually increasing.

The main event contributing to the activation of the Kurdish factor in Syria was the retreat of the governmental forces from the Kurdish-populated areas in northern and northeastern Syria [4]. This greatly strengthened the military and political positions of the Kurds in those areas [5].

The first significant step towards the unification of the Kurds and increasing their strategic role was the agreement signed in Erbil on 12 July 2012, between the Democratic Union Party (PYD) and Kurdish National Council (KNC), with the mediation of the head of the Kurdish autonomous province of Iraq, Masoud Barzani [6]. In the result of this agreement a Kurdish Supreme Committee (DBK), comprised of equal number of PYD and KNC members, was established. It is worthy to note that previously the PYD was rejecting any option of cooperation with the KNC, and from time to time armed clashes were occurring between the two parties. Nevertheless, Barzani succeeded in pressuring both sides by emphasizing the importance of Kurdish unity. This way he managed to unite a significant part of Syrian Kurds under his umbrella [7].

The People's Protection Units (YPG), established after the 2004 Al-Qamishli events, went under the control of the DBK, as its military unit, aimed at armed protection of Kurdish people [8]. An agreement was reached that the cities going under the rule of Kurdish forces were to be governed jointly, until there would

be a possibility to hold elections. This agreement, anyway, did not completely settle all the existent cleavages between the Kurdish forces and some cases of conflict were noticed from time to time [9].

The Kurdish issue started getting more internationalized, while in the result of the Jihadist attacks, the Kurdish forces unified, representing a bigger threat to Turkey. The Kurdish issue, besides being a regional and international problem, is also a domestic political issue for Turkey. That is why, after the conclusion of the Erbil agreement, Turkish Foreign Minister Davutoglu headed to northern Iraq on 1 August 2012, seeking to prevent the growth of Kurdish military and political potential across Turkey's borders [10]. During the 4-hour meeting Davutoglu once again demanded from Barzani to assist the Syrian opposition, as well as expressed his concern about the support to the PYD, which is regarded as the Syrian franchise of the PKK [10]. Barzani, in his turn, condemned the terrorism, at the same time reaffirming his support to the Kurds all over the world, including Syria [10]. At the end of the meeting a declaration containing mutually acceptable provisions was signed, by which the two sides committed themselves to not support terrorists, and to defend the territorial integrity and national unity of Syria. The Turkish side managed to include in the text of the agreement a provision, emphasizing that the two sides would consider an attempt by any armed terrorist group or organization to use the created power vacuum in Syria, as a common threat and would act jointly [11]. Yet, it did not include any direct mention of the Syrian Kurdish armed forces and their activities in this regard.

In regards the Syrian Kurds, the Turkish Foreign Minister had stated in an interview before arriving in Erbil, that after the restoration of a stable state system Ankara would support Syria's Kurds to gain rights enshrined in the constitution. Davutoglu also reinstated that Turkey would not hesitate to launch an offensive against Syria, in case the latter continued to support Kurdish separatists [12].

Thus, after the Kurdish areas gained more autonomy, it gradually became a greater imperative for Turkey to maintain Syria's territorial integrity, as well as to secure the latter's dependence on Turkey in the future. This stance is demonstrated in Davutoglu's words during the interview, *"At this moment, the main player to decide Syria's future is Turkey, for the rest Syria is just a diplomatic issue, while Turkey and Syria are like two wooden houses standing side by side, and a fire broken out in either of them, can spread to the other"* [13]. Obviously the main "fire" Davutoglu meant was the Kurdish factor and its strengthening.

In the course of 2012 and 2013 heated clashes occurred between the Kurdish and Jihadist forces (Al-Nusra, ISIS) for taking control of the oil abundant areas in the northern parts of the country, mainly near Aleppo and Ra's al-'Ayn [14].

Since 16 July 2013, the Kurdish forces started recording significant achievements in the strategically important front of Ra's al-'Ayn, which greatly stabilized their positions in both military and political terms. On 22 July the DBK conference was held in Erbil under the sponsorship of Barzani [15]. During the days of this conference the Turkish representatives in Erbil invited the PYD leader Salih Muslim to Ankara. The Turkish Radikal points out that, the invitation was due to Erdogan's instruction to Ahmet Davutoglu and the MIT head Hakan Fidan, to establish direct contacts with the PYD leaders, learn their problems, and convey them Turkey's concerns [16]. During the visit three main requirements were presented to Muslim; not to support the Syrian authorities, not to participate in any processes until a new parliament begins to operate in Syria, not to undertake any activity that could threaten Turkey's security [17].

After these developments many analysts started envisaging a u-turn in Turkey's policy towards the Kurdish issue, [18] based on a few events, like the PKK's retreat from Turkey due to the Spring armistice and PYD's victories in Ra's al-'Ayn in July [19]. While the most important reason for such a shift would perhaps be Turkey's willingness to maintain

the PYD under its sphere of influence, and turn it against the Syrian governmental forces, promising to guarantee the constitutional rights of Syria's Kurds after the overthrow of al-Asad and the establishment of a pan-Syrian parliament.

Nevertheless, the main role in the supposed Turkish shift played the geopolitical dilemma, that Ankara was facing during the period of July-August; whether it was better to have a neighboring territory under the control of a radical Islamist group, or a Kurdish de-facto autonomous region. Some analysts concluded that Turkey had made a choice in favor of the Kurds [20]. Anyway, as we witnessed later, Turkey's main concern was to maintain Syria's territorial integrity, along with preserving the power balance between the belligerents. This was the reason behind Ankara's decision to formally establish ties with the PYD and its leader, Salih Muslim, which would allow it to cause suspicion towards the PYD among the Kurds.

In the light of possible American assaults against military objects of the Syrian government, Turkey significantly activated its Syrian policy, and, was most likely pursuing a goal of directly occupying Syria's northern part in case of a land invasion. Ankara was seeking to reach a NATO or US-led offensive against Syria by all possible means [21]. Nevertheless, the protraction of an American offensive and the eventual agreement between the U.S. and Russia over the elimination of Syrian chemical weapons as a means of resolving the crisis, notably changed Turkey's behavior. Ankara officially welcomed the Russian-American agreement, although showing that it does not believe in its efficiency as far as Asad remains in power [22]. Ankara began to emphasize the humanitarian aspects of the Syrian civil war, drawing the international community's attention to the massacres of the Syrian civilian population and expressing Turkey's concern in that regard [23].

Turkey also took greater measure for safeguarding its security, as the instances of discovering and neutralizing various suspicious groups in southern

provinces of Turkey had become very frequent, while on 21 September an assault was carried out against the police station of Ankara [24]. In October Turkey began to construct a border wall, aimed at preventing the refugees and armed groups from crossing the border through Turkey [25]. And on 3 October 2013 the Turkish parliament extended the mandate that authorized the deployment of troops to Syria in case it was necessary, as Ankara feared a possible use of chemical weapons by President Bashar al-Asad [26].

In regards the Syrian Kurds, Ankara started pursuing a new policy aimed at weakening the PYD's positions, announcing that the latter did not represent all the Kurds of Syria, on the contrary, there were Kurdish groups that were extremely disturbed by the PYD's pressure, and were seeking support from Turkey [27]. Thus, this shows that Turkey's ties with the PYD had the goal of weakening the latter's influence among the Kurds, discrediting it in their eyes and basically disuniting the Syrian Kurds.

Nevertheless, Turkey's committed anti-Asad policy and the desperate endeavor to topple the Syrian government, that reflected in providing weapons and training to various jihadist organizations, including Jabhat al-Nusra, Ahrar ash-Sham and ISIS [28, 18], had the unintentional effect of further strengthening the Kurdish threat for Turkey. While the threat of ISIS contributed to the mending of divisions between various Kurdish forces that the Turkish government had been manipulating in order to contain Kurdish separatism. That is why Turkey did not permit Kurdish fighters to cross from Turkey to defend the Syrian Kurdish town of Kobane when it was under the siege of ISIS, considering that saving the town from ISIS would strengthen the PYD, while if the town fell, the PKK would lose prestige. Moreover, Ankara tried to use the siege of Kobane to make the PYD join the opposition against Asad as a condition for allowing relief into the Kurdish-populated town [28, 18].

Turkey did not join also the 2014 Jeddah agreement, that formed the anti-ISIS coalition, using the

excuse that ISIS had Turkish hostages. Turkey conditioned its support for the anti-ISIS coalition by demanding to make the Syrian regime a principal target, as “IS cannot be solved without solving the Syrian issue” [28, 18]. As Hinnebusch argues, Ankara thought, that if coalition airstrikes were turned against Asad, the Turkish-sponsored opposition could expand into Asad-controlled territory. And, while the West feared that Asad regime’s destruction would benefit the jihadists such as ISIS, Ankara saw it as an opportunity to bring a friendly Sunni government to power in Syria. Moreover, as part of a US or NATO-led operation, Turkish troops would be better positioned to head off Kurdish separatist threats, than if acting on their own [28, 19]. This stance of Turkey isolated it, as Washington, Europe, Moscow and Tehran agreed that the priority was to confront ISIS.

The further developments increased the Kurdish influence over northern Syria and strengthen the PYD’s grip on the administration of the region. In 2013 the PYD abandoned its coalition with the KNC and committed to the creation of a federative

unit in the wider Rojava region. The Movement for a Democratic Society (TEV-DEM) coalition was established, which managed to unite the three Kurdish cantons of Afrin, Jazira and Kobani under its administration by January 2014. While in 2016 the PYD declared the establishment of the Democratic Federation of Northern Syria or Rojava [29].

In conclusion, the Syrian civil war created opportunities for Syrian Kurds to take control of the most Kurdish-populated areas of Syria, which were successfully seized by the PKK affiliated PYD. While Turkey’s policy towards the Syrian crisis and its involvement in it by supporting various jihadist fighters against the Syrian regime, including ISIS, contributed to the re-activation of the Kurdish element in the bilateral relations between Turkey and Syria, and the renewal of the historical enmity between the two states. Moreover, the unification of the Syrian Kurds, increased the possibility of an autonomous or independent Western Kurdistan (Rojava) in the future, which is totally opposed to Turkey’s national interests.

References:

1. “Manḥ al-jinsiyya al-souriyya li-Akrād al-Hasakah”, (Granting Syrian citizenship to the Kurds of Hasakah), Aş – Şarq al-Awşat, 8 April – 2011. URL: <http://archive.aawsat.com/details.asp?section=4&issueno=11819&article=616295#.Waa-Kj4jHIV>
2. Michael Weiss. New Republic: Will Kurds Determine Syria’s Fate?, URL: <http://www.npr.org/2011/11/16/142387417/new-republic-will-kurds-determine-syrias-fate>
3. Soner Cagaptay, Syria and Turkey: The PKK Dimension, Policywatch – 1919, 5 April – 2012. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/syria-and-turkey-the-pkk-dimension>
4. Syria’s Kurds face uncertain future if Assad falls, The Guardian, 14 December – 2012. URL: <https://www.theguardian.com/world/2012/dec/14/syria-kurds-if-assad-falls>
5. Сирийские курды объединились для борьбы с боевиками-исламистами, Russia Today, 26 November – 2012. URL: <https://russian.rt.com/article/1444>
6. The Kurdish National Council in Syria, Carnegie Middle East Center, 15 February – 2012. URL: <http://carnegie-mec.org/diwan/48502>
7. Hazal Ates, Barzani Unites Syrian Kurds Against Assad, Al-Monitor, 16 July – 2012. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/politics/2012/07/barzani-grabs-assads-kurdish-car.html>
8. Wladimir van Wilgenburg, Conflict Intensifies In Syria’s Kurdish Area, Al-Monitor, 5 April – 2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/04/conflict-intensifies-syrian-kurdish-region.html>

9. The Kurdish Democratic Union Party, URL: <http://carnegie-mec.org/publications/?fa=48526&reloadFlag=1>
10. Davutoglu Visits Erbil for Talks over Kurds Involvement in Syria Crisis, Al Manar, 2 August – 2012. URL: <http://archive.almanar.com.lb/english/article.php?id=63470>
11. Joint Press Statement Regarding the Meeting Between Mr. Ahmet Davutoğlu, Minister of Foreign Affairs of the Republic of Turkey and Mr. Masoud Barzani, IKR President, 1 August – 2012. Erbil. URL: http://www.mfa.gov.tr/joint-press-statement-regarding-the-meeting-between-mr_-ahmet-davuto%C4%9Flu_-the-minister-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-turkey_-and-mr_-masoud-barzani_-the-president-of-the-iraqi-kurdistan-region.en.mfa
12. Turkish FM visits Iraqî Kurdistan. URL: <http://ekurd.net/mismas/articles/misc2012/8/state6398.htm>
13. Davutoğlu iftarda neler konuşulduğunu açıkladı, Hurriyet, 27 July – 2012. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/davutoglu-iftarda-neler-konusuldugunu-acikladi-21080608>
14. Tareq al-Abed, Ras al-Ain Agreement Between FSA and Kurds Reduces Tensions, 21 February – 2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/politics/2013/02/ras-al-ain-agreement-syria.html>
15. Kamal Chomani, Kurdish National Congress Seeks Unity Amid Divisions, Al-Monitor, 8 August – 2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/08/kurdish-national-congress-conflicts.html>
16. PYD liderine açık mesaj: Suriye Kürtleri safını ortaya koymalı, Radikal, 27 July – 2013. URL: <http://www.radikal.com.tr/politika/pyd-liderine-acik-mesaj-suriye-kurtleri-safini-ortaya-koymali-1143621>
17. Визит Муслима был запланирован ранее. URL: http://www.gatewayturkey.com/ru/2013/07/30/vizit_muslima_byil_zaplanirovan_ranee
18. Stephen F. Larrabee. Is Turkey rethinking the Syrian Kurd issue?, CNN, 21 August – 2013. URL: <http://globalpublicsquare.blogs.cnn.com/2013/08/21/is-turkey-rethinking-the-syrian-kurd-issue/>
19. Cengiz Çandar. Has Turkey Made U-Turn on Syria's Kurds?, Al-Monitor, 29 July – 2013. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2013/07/turkey-changes-position-on-syrian-kurds.html>
20. Selcan Hacaoglu, Kurdish Battles in Syria Raise Turkish Fears, Ekurd Daily, 3 September – 2013. URL: <http://ekurd.net/mismas/articles/misc2013/9/syriakurd892.htm>
21. Seymour Hersh. The Red Line and the Rat Line, London Review of Books, – Vol. 36 – No. 8, – 17 April – 2014. – P. 21–24. URL: <https://www.lrb.co.uk/v36/n08/seymour-m-hersh/the-red-line-and-the-rat-line>
22. Sinan Ülgen, Aaron Stein. Not the Real Deal: Ankara's Take on the Syria Agreement, Carnegie Europe, 26 September – 2013. URL: <http://carnegieeurope.eu/2013/09/26/not-real-deal-ankara-s-take-on-syria-agreement-pub-53112>
23. Turkish FM set to launch tour over Syria, Hurriyet Daily News, 19 October – 2013. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-fm-set-to-launch-tour-over-syria.aspx?pageID=517&nID=56456&NewsCatID=338>
24. Թուրքիայում ոստիկանության շենքի ուղղությամբ առնվազն 3 հրթիռ է արձակվել, lin.am, 21 September – 2013. URL: <http://www.lin.am/216117.html>
25. Турция строит двухметровую стену на границе с Сирией. URL: <http://korrespondent.net/world/1612360-turciya-vozdodit-dvuhmetrovyu-stenu-na-granice-s-siriej>
26. Turkish Parliament Approves Mandate To Send Troops To Syria. The Jerusalem Post, 3 October – 2013. URL: <http://www.jpost.com/Breaking-News/Turkish-parliament-approves-mandate-to-send-troops-to-Syria-327812>

27. Biziyanlışıanladılar, Sabah. 27 October – 2013. URL: <http://www.sabah.com.tr/gundem/2013/10/27/biziyanlis-anladilar>
28. Raymond Hinnebusch. Back to Enmity: Turkey-Syria Relations Since the Syrian Uprising, Orient I/ – 2015. – P. 18.
29. Al-Jazeera. 17 March – 2016. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2016/03/syria-civil-war-kurds-declare-federal-system-north-160317111902534.html>

Section 3. International law

*Bardeev Konstantin Andreevich,
Kuban state University,
Graduate II course, faculty of law
E-mail: komrad.bardeev@yandex.ru*

THE PROBLEM OF IMPLEMENTATION OF THE GENEVA CONVENTIONS FOR THE PROTECTION OF WAR VICTIMS OF 1949

Abstract: This article examines the effectiveness of the Geneva conventions About protection of victims of war of 1949. Considers the problem to their possible revision, in modern conditions of war. A number of ideas that could contribute to increasing the responsibility for violations of humanitarian law.

Keywords: international humanitarian law; Geneva Convention; international Red Cross; NGOs.

*Бардеев Константин Андреевич,
Кубанский государственный университет,
Магистрант II курс, факультет юридический
E-mail: komrad.bardeev@yandex.ru*

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЕВСКИХ КОНВЕНЦИЙ О ЗАЩИТЕ ЖЕРТВ ВОЙНЫ 1949 ГОДА

Аннотация: В статье исследуется эффективность Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 года. Рассматривается проблема их возможного пересмотра, в рамках современных условий войны. Делается ряд выводов, которые могли бы способствовать повышению ответственности, за нарушения в области гуманитарного права.

Ключевые слова: Международное гуманитарное право; Женевские конвенции; Международный Красный Крест; Неправительственные организации.

Различные структурные элементы права демонстрируют свою изменчивость, способность отзываться на влияние различных факторов. Динамика права касается и такой отрасли международного права, как гуманитарное право, и основных документов данной отрасли – Женевских конвенций 1949 года, а также Дополнительных протоколов к ним 1977 г. Говоря о динамике изменений, мы обращаем внимание на изменчи-

вость самой природы вооруженных конфликтов, в целях минимизации последствий которых были приняты упомянутые документы.

Угроза со стороны мирового терроризма сделала возможным боевые действия, когда одна из сторон прямо не заинтересована в соблюдении элементарных гуманитарных норм. Афганистан, Ирак, Сирия, Ливия являются тому примером. Можно констатировать, что на сегодняшний

момент, к сожалению, нормой является нападение на гуманитарные конвои, медицинский персонал, медицинские учреждения и другие гуманитарные объекты, находящиеся в непосредственной близости от мест боевых действий. Как подобное возможно при наличии нормативной базы, в идеале способствующей соблюдению гуманитарных норм? Требуется полный пересмотр действующих норм и, прежде всего, Женевских конвенций? Или же необходимо добиваться соблюдения норм, закрепленных в нормативных актах, хотя бы в отношении тех сторон, которые декларируют следование взятым на себя обязательствам? Нам представляется, что необходимость поиска ответов на эти вопросы свидетельствует об актуальности данной темы.

Об определенном несоответствии реалий Конвенциям 1949 г. говорилось на международной конференции Красного Креста в 2015 году. Дэвид Родин, философ и содиректор оксфордского Института по этике, праву и вооруженным конфликтам говорит, что этот свод законов ведения вооруженных конфликтов оказался выработан тогда, когда стороны пришли к взаимовыгодной договоренности, к пониманию, что некоторая сдержанность идет на пользу всем. «А что же делать, если ваш враг не заинтересован во взаимодействии? Какой смысл в том, чтобы действовать по правилам, если ваш враг этого делать не будет?» — добавляет Родин. Это может быть привлекательным аргументом для стран, участвующих в так называемой «войне с террором» [1].

Подписание подобных масштабных документов в настоящий момент представить сложно. Страны, постоянно представленные в Совете Безопасности ООН, исходя из взаимных противоречий, вряд ли бы сумели достигнуть компромисса в данном вопросе. Отсюда довольно осторожные предположения, связанные с возможным реформированием данных документов. Прежде чем говорить о возможных перспективах изменений, обратимся к тем механизмам, которые уже за-

ложены в настоящей редакции Конвенций: проведение расследований воюющими сторонами с целью выявления фактов нарушений норм международного гуманитарного права; контрольная деятельность Международной комиссии по установлению фактов; контрольная деятельность держав-покровительниц; контрольная деятельность Международного Комитета Красного Креста.

Если говорить о первом механизме, чья нормативная основа базируется на статьях 52, 53, 132, 149 Конвенций, то он видится наиболее нежизнеспособным, т.к. представить совместную деятельность воюющих сторон с упомянутой целью сложно. Однако есть прецеденты, когда в качестве независимого арбитра выступали представители ООН. Во время ирано-иракской войны 1980–88 годов правительство Ирака обвинило Иран в нарушении Женевской конвенции об обращении с военнопленными и обратилось к Генеральному секретарю, чтобы была послана комиссия, обладающая соответствующей компетенцией и беспристрастностью. Комиссия получила доступ, с согласия Ирана, окончательные выводы были доложены Генеральному секретарю, который, в свою очередь, обратился к МККК, чтобы его представители продолжали наблюдения за соблюдением гуманитарных норм [2, 249 с]. Соответственно, можно сделать вывод о том, что действие механизма упирается в достижение согласия с одной из сторон.

В случае, если фигура стороннего арбитра, не обязательно государства, возможно и организации, как например, упоминавшаяся ООН, будет признана приемлемой, то в зоне конфликта может осуществляться объективный контроль за соблюдением гуманитарных норм.

Нам видится, что проблема последних лет, выразившаяся в массовости нарушений гуманитарных стандартов, выражается в том, что чаще всего контроль за их соблюдением в различной форме связан с одной из участвующих сторон, либо с представителями страны, которая может

позволить себе оказывать влияние на участников конфликта или добиваться сокрытия фактов нарушения гуманитарных норм с целью увода от ответственности нарушителей. Вместе с тем, исходя из практики обращения к МККК, либо к различным незаинтересованным неправительственным организациям, таким как Amnesty International, и подобным ей, можно было бы иметь представление о происходящем в зоне конфликта.

В настоящий момент можно констатировать манипулирование фактами, представляемыми той же АИ, различными сторонами. Когда доклады правозащитных организаций могут быть интерпретированы в пользу поддерживаемой стороны, то они не вызывают у неё сомнений, когда доклады составлены в невыгодном свете, то они объявляются бездоказательными. Возможно, именно подобная реакция на правозащитную деятельность в зоне конфликта может расцениваться как один из «высоких критериев» объективности.

Плюсы участия НПО в качестве арбитра, незаинтересованного наблюдателя в зоне конфликта можно выразить следующим образом: мониторинг соблюдения прав человека; функция нейтрального посредника; оказание гуманитарной помощи гражданскому населению; функция «взаимодействия» с общественным мнением; функция внешнего контроля за конфликтным поведением сторон; реабилитационная функция; коммуникативная и координационная функция; превентивная функция, предполагающая раннее предупреждение конфликта; влияние через формирование общественного мнения на властные структуры государства, от которых зависит принятие того или иного решения.

Вместе с тем, нельзя не сказать о недостатках участия НПО в зонах конфликтов. Во-первых, действуя на уровне отдельных общин, неправительственные организации порой с трудом видят целостную картину конфликта. Во-вторых, слабой стороной деятельности НПО нередко является и то, что одновременно в конфликт вовлекается

слишком много неправительственных организаций. Например, только в зоне конфликта в Руанде в 1994 году насчитывалось порядка ста неправительственных организаций. В-третьих, подобная ситуация обычно порождает определенные трудности, связанные с взаимодействием неправительственных организаций, а также выработкой единой программы воздействия на конфликт. В-четвертых, одной из проблем деятельности неправительственных организаций может явиться то, что их представители не всегда оказываются хорошо подготовленными с профессиональной точки зрения [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что повысить эффективность механизма соблюдения гуманитарных норм, нашедшего свое отражение в проведении расследования воюющими сторонами, возможно при непосредственном привлечении структур межгосударственных организаций, соответствующих комитетов ООН, либо обращения к материалам, собранным заслуживающими доверия НПО, не замеченными в связях ни с одной из заинтересованных сторон.

Следующим механизмом соблюдения гуманитарных норм во время военных конфликтов является деятельность Международной комиссии по установлению фактов. В соответствии со ст. 90 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. была создана Международная комиссия по установлению фактов, которая приступила к работе 25 июня 1991 г. Почти 60 государств сделали заявления о признании компетенции Комиссии. В соответствии с п. «с» ст. 90 Протокола I Комиссия компетентна: расследовать любые факты, которые, как предполагается, представляют собой серьезное нарушение, как оно определяется Конвенциями и Протоколом I, или другое серьезное нарушение вышеупомянутых документов; содействовать путем оказания своих добрых услуг восстановлению уважительного отношения к Конвенциям и Протоколу I. Хотя Женевские конвенции и Протокол I применяются

к международным вооруженным конфликтам, комиссия заявила о своей готовности проводить расследование по фактам нарушения гуманитарного права в немеждународных вооруженных конфликтах при условии, что заинтересованные стороны дадут на это согласие [4, 688 с].

В настоящий момент примеры деятельности Комиссии отсутствуют. Связано это с тем, что государства чаще обращаются не к механизму, закрепленному в Женевских конвенциях, стараясь не обвинять друг друга, а создают комиссии по каждому конкретному случаю нарушения гуманитарных норм отдельно. В литературе отмечается, что намечается тревожная тенденция умножения числа специальных комиссий, создаваемых в качестве альтернативы Международной комиссии по установлению фактов. Действительно, гораздо чаще сейчас создаются многочисленные комиссии, в основном по решению Совета Безопасности ООН, для проведения международного расследования. Сначала такая комиссия была образована в рамках ООН для сбора информации о серьезных нарушениях Женевских конвенций и других нарушениях международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии. Созданная Генеральным секретарем ООН в соответствии с Резолюцией СБ ООН N 780 (1993), она фактически являлась Комиссией по расследованию. Однако Комиссия не смогла предпринять каких-либо активных действий по проведению расследования. Резолюцией N 935 (1994) Совет Безопасности создал Комиссию по расследованию геноцида и других систематических, широкомасштабных и явных нарушений международного гуманитарного права в Руанде. Аналогичные комиссии создавались Советом Безопасности в связи с ситуацией в Сомали (Резолюция N 885 1993 г.) и Бурунди (Резолюция N 1012 1995 г.). Также Резолюцией СБ ООН N 1564 (2004) от 18 сентября 2003 г. было принято решение оперативно создать международную следственную комиссию для незамедлительного

расследования сообщений о нарушениях норм международного гуманитарного права в Дарфуре [5, 43 с].

Несколько иной механизм заключается в контрольном действии держав-покровительниц, на которые возлагается охрана интересов сторон, находящихся в конфликте. Данный институт впервые был юридически закреплен в Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными», а затем в Женевских конвенциях 1949 г. Если воюющие не достигнут соглашения о кандидатуре державы-покровительницы, то МККК может предложить им свои добрые услуги, в том числе в качестве субститута. Общий контроль осуществляется международными органами и организациями, призванными регулировать сотрудничество государств (в частности, в области МГП), что связано с контролем за соблюдением соответствующих норм МГП [4].

В данном случае необходимо сделать оговорку, в том смысле, что деятельность МККК только и может заключаться в добрых услугах, сборе фактов о нарушении гуманитарных норм и подобной деятельности. Несмотря на продолжительную дискуссию, касающуюся возможного отказа от нейтральной позиции неправительственных организаций, позиция МККК остается неизменной. Организация не может по своей инициативе начать процедуру расследования фактов нарушения гуманитарных норм. Кроме этого, непосредственно самими Женевскими конвенциями не предусмотрен механизм участия МККК в расследованиях фактов нарушений гуманитарных норм [6].

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что механизмы осуществления гуманитарных норм, закрепленные в Женевских конвенциях 1949 г., являются передовыми и прогрессивными. В настоящий момент невозможно представить достижение соглашения между всеми представителями мирового сообщества с целью подписания столь же масштабных соглашений.

Отсутствие эффективности определенных механизмов, закрепленных в документах, говорит не об их устарелости, а о нежелании прибегать к ним. В данном случае возможно провести аналогию с Военно-Штабным Комитетом ООН (ВШК), который предполагался как орган для консолидации стран ООН, защиты от общих угроз, но как международный орган он ни разу не был собран и фактически бездействует с момента создания в 1947 году.

Одной из основных проблем, способствующих массовости нарушений МГП, является отсутствие объективных источников информации о самих нарушениях. Одна сторона обвиняет другую в предвзятом подборе фактов, в ответ противоположная сторона обвиняет оппонентов в намеренном сокрытии информации, и так до бесконечности. Необходимо задействовать в сборе информации из зон конфликтов такие неправительственные организации, которые основывают свои сообщения не на эмоциональной подаче информации о фактах нарушения гуманитарного права, а составляют доклады, заявления по результатам длительного расследования, основанного на привлечении свидетельских показаний различных участников конфликта. Иначе говоря, основной проблемой является большое количество «информационной пены», мешающей сформировать объективное представление о гумани-

тарной ситуации. Освещение фактов нарушения гуманитарного права заслуживающими доверия источниками может помочь в деле предотвращения подобного впредь.

Необходимость объективного расследования нарушений МГП позволяет нам обратиться к интересному предложению, выдвинутому Рабцевич О. И. Учитывая потребность международного сообщества в органах, способных проводить независимое расследование нарушений гуманитарного права, и учреждение постоянного органа международного уголовного правосудия в лице МУС, правомерной представляется постановка вопроса о создании постоянного независимого органа международной уголовной юстиции — Международного следственного комитета [5].

Представляется, что указанный постоянный международный следственный орган будет гораздо более стабильной, эффективной и менее политизированной альтернативой созданию многочисленных следственных комиссий *ad hoc*. Образование этого органа подтолкнуло бы государства к созданию унифицированного свода процессуальных правил, применяющихся в международном уголовном расследовании, что, безусловно, позволило бы урегулировать правовой статус всех лиц, вовлеченных в такое расследование. Это, несомненно, намного лучше, чем самостоятельное правотворчество каждого следственного органа.

References:

1. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/12/151209_geneva_conventions_laws_war_anno
2. Котляров И. И. Международное гуманитарное право. – М.: Юрлитинформ, – 2009. – 249 с.
3. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4071
4. Батырь В. А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, – 2011. – 688 с.
5. Рабцевич О. И. Международные следственные органы // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 4. – 43 с.
6. URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=4071&limits tart=1

*Bukuru Jean-Baptiste,
Peoples' Friendship University of Russia,
postgraduate student, the Institute of Law
E-mail: bukurujb@mail.ru*

JURISPRUDENCE OF THE AFRICAN COURT OF HUMAN AND PEOPLES' RIGHTS TOWARDS INTERNATIONAL ORGANIZATION: CASE "FEMI FALANA V. AFRICAN UNION"

Abstract: Since not all citizens of member states of African Union (AU) can directly lodge individual complaints with the African Court on Human and Peoples' Rights (ACtHPR), there was a case in which citizens of states that had not made a special declaration of recognition of ACtHPR jurisdiction in accordance with Art. 34. of the Protocol on the Establishment of the ACtHPR, filed complaints against the AU for the fact that, by establishing this restriction, it allegedly violates their right to justice. In a letter dated 14 February 2011, the applicant, a Nigerian citizen, a human rights lawyer, lodged a complaint in which he stated that he had repeatedly tried to ensure that the Government of Nigeria made a special declaration under article 34 (6) of the protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the establishment of the African Court of Human and Peoples' Rights (protocol on the establishment of the ACtHPR). Since he failed to achieve this, he decided to file a complaint against the African Union (AU) as a representative of its Member States in order for the ACtHPR to notice a contradiction between Art. 34 (6) of the protocol establishing the Court and articles 1, 2, 7, 13, 26 and 66 of the African Charter on Human and Peoples' Rights (African Charter). In the applicant's opinion, the fact that the right to file complaint before the Court depends on the relevant State's special declaration is a violation of his right to fair trial, guaranteed in article 7 of the African Charter on Human the Peoples' Rights.

The African Union is subject of international law and it cannot be considered as a representative of its member States regarding the obligations assumed by these Member States on the basis of the protocol on the establishment of ACtHPR. The Court found, in this connection, that the African Union cannot be sued as a representative of its member states before the ACtHPR.

Keywords: African Union, African Court on Human and Peoples' Rights, Protocol on the Establishment of the African Court on Human and Peoples' Rights, African Charter on Human and Peoples' Rights, right to fair trial.

*Букуру Жан-Батист,
Российский университет дружбы народов,
аспирант, Юридический институт
E-mail: bukurujb@mail.ru*

ПРАКТИКА АФРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ В ОТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: «ДЕЛО ФЕМИ ФАЛАНА ПРОТИВ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА»

Аннотация: В связи с тем, что не все граждане африканских государств-членов Африканского союза (АС) могут напрямую обращаться с исковыми заявлениями в Африканский суд

по правам человека и народов (АСПЧН), был случай, когда граждане государств, не сделавших специальное заявление о признании его юрисдикции в соответствии с п. 6 ст. 34 Протокола о создании АСПЧН, подали жалобы против АС за то, что, установив данное ограничение якобы нарушает их право на правосудие. В письме от 14 февраля 2011, заявитель, гражданин Нигерии, адвокат, специалист по защите прав человека, подал жалобу, в которой он заявляет, что он неоднократно пытался добиться того, чтобы правительство Нигерии сделало специальное заявление, предусмотренное в статье 34 (6) протокола к Африканской хартии прав человека и народов о создании Африканского суда по правам человека и народов (протокол об учреждении АСПЧН). Поскольку ему не удалось этого добиться, он решил подавать жалобу против Африканского союза (АС) в качестве представителя своих пятидесяти трех (53) государств-членов для того, чтобы АСПЧН установил наличие противоречия между ст. 34 (6) протокола об учреждении Суда и статьями 1, 2, 7, 13, 26 и 66 Африканской хартии прав человека и народов (Африканская Хартия). По мнению заявителя, тот факт, что право обращения в Суд зависит от соответствующего заявления государства является нарушением его права на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом, гарантированного в статье 7 Африканской хартии прав человека и народ.

Ключевые слова: Африканский союз, Африканский суд по правам человека и народов, Протокол об учреждении Африканского суда по правам человека и народов, Африканская хартия прав человека и народов, право на справедливое судебное разбирательство.

В связи с тем, что не все граждане африканских государств-членов Африканского союза (АС) могут напрямую обращаться с исковыми заявлениями в Африканский суд по правам человека и народов (АСПЧН), был случай, когда граждане государств, не сделавших специальное заявление о признании его юрисдикции в соответствии с п. 6 ст. 34 Протокола о создании АСПЧН (Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Establishment of the African Court on Human and Peoples' Rights. Available at <http://www.achpr.org/instruments/court-establishment/> (Accessed on 04.09.2017)) [1] подали жалобы против АС за то, что, установив данное ограничение якобы нарушает их право на правосудие. В письме от 14 февраля 2011, заявитель, гражданин Нигерии, адвокат, специалист по защите прав человека, подал жалобу, в которой он заявляет, что он неоднократно пытался добиться того, чтобы правительство Нигерии сделало специальное заявление, предусмотренное в статье 34 (6) протокола к Африканской хартии

прав человека и народов о создании Африканского суда по правам человека и народов (протокол об учреждении АСПЧН). Поскольку ему не удалось этого добиться, он решил подавать жалобу против Африканского союза (АС) в качестве представителя своих пятидесяти трех (53) государств-членов для того, чтобы АСПЧН установил наличие противоречия между ст. 34 (6) протокола об учреждении Суда и статьями 1, 2, 7, 13, 26 и 66 Африканской хартии прав человека и народов (Африканская Хартия) [2]. По мнению заявителя, тот факт, что право обращения в Суд зависит от соответствующего заявления государства является нарушением его права на рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом, гарантированного в статье 7 Африканской хартии прав человека и народ.

Заявитель просил АСПЧН принять следующие меры:

- признать, что статья 34 (6) протокола об учреждении Африканского суда по правам человека и народов является незаконной, недействительной

потому, что она находится в противоречии со статьями 1, 2, 7, 13, 26 и 66 Африканской хартии прав человека и народов;

- заявлять о том, что заявитель имеет право обращаться в Африканский суд по правам человека и народов с жалобами, касающимися прав человека, согласно статье 7 Африканской хартии прав человека и народов;

- принять решение об отмене статьи 34 (б) протокола об учреждении Африканского суда по правам человека и народов.

Процедура по данному делу проходила следующим образом.

Жалоба была получена в секретариате Суда 20 февраля 2011. Согласно положениям статьи 35 (2) (а) Правил процедуры Суда о поданной жалобе было сообщено Африканскому союзу письмом на имя Председателя Комиссии Африканского союза (КАС) от 28 марта 2011 г. КАС должна была подтвердить получение информации о поданной против АС жалобе и сообщить имена тех, кто будет представлять АС в процессе по данному делу в течение 30 дней и предоставить свой меморандум в течение шестидесяти (60) дней. В соответствии с положениями статьи 35 (3) правил процедуры Суда 28 марта 2011 г. [6] было отправлено письмо председателю КАС для уведомления Исполнительного совета Африканского союза и государств-участников Протокола о создании АСПЧН о поступившей жалобе. В письмах от 29 апреля 2011 г. КАС подтвердила получение информации о поданной жалобе и сообщила Суду имя своего представителя и сдала свой меморандум. Эти документы были направлены заявителю 18 мая 2011 г. для ознакомления.

Доводы ответчика. Ответчик считал, что АСПЧН не обладает юрисдикцией для рассмотрения дела, что жалоба является неприемлемой, поскольку заявитель не имеет право напрямую подавать жалобу в АСПЧ, и что он (ответчик) не является участником Африканской хартии прав человека и народов и протокола об учрежде-

нии Суда. Ответчик также утверждал, что заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты и что обязательства государств-участников Африканской хартии прав человека и народов и протокола об учреждении АСПЧН в соответствии с этими двумя документами не переносятся на ответчика.

В своем ответе на представления ответчика заявитель утверждает, что именно ответчик (Африканский союз) принял Африканскую хартию прав человека и народов и протокол к ней о создании АСПЧН и что жалоба подана против Африканского союза как сообщества, представляющего свои государства-члены. Жалоба касается юридических полномочий ответчика по обеспечению осуществления статьи 34 (б) протокола об учреждении АСПЧН, которую заявитель считает противоречащей положениям Африканской хартии прав человека и народов, а также положениям Учредительного акта Африканского союза, собственного учредительного документа ответчика, согласно которым он (АС) должен обеспечить уважение прав человека.

Заявитель утверждал, что его жалоба соответствует положениям Африканской хартии прав человека и народов, согласно которым у него есть обязанности по отношению к его семье, обществу, государству и другим сообществам, законно признанным, а также перед международным сообществом. Кроме того, заявитель считает, что поскольку на ответчика (АС) не может быть подан иск в национальном суде, не может возникнуть вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты. Он добавил, что включение Африканской хартии прав человека и народов и учредительного акта Африканского союза в правовую систему Нигерии следует рассматривать как обеспечение заявителю право на прямое обращение в АСПЧН.

В ходе рассмотрения данного дела Суд отметил, что, по практике Африканского союза, несмотря на то, что договоры формально принимаются Конференцией глав государств и правительств, их

подписание и ратификация находятся под исключительной компетенцией государств-членов. Данное положение отражено в ст. 34 (1) протокола, которая гласит, что протокол открыт для подписания, ратификации или присоединения для государств-участников Африканской хартии прав человека и народов. Подобное положение содержится и в ст. 63 (1) Африканской хартии прав человека и народов [1]. В связи с этим, Суд считал, что тот факт, что протокол был принят Конференцией глав государств и правительств не является достаточным основанием для того, чтобы установить, Африканский союз является участником протокола и подавать против него иск в АСПЧН на данном основании.

Что касается утверждения заявителя, согласно которому на Африканский союз может быть подан иск как на юридическое лицо, представляющее свои государства-члены, Суд считает, что Африканский союз является международной организацией и, следовательно, обладает международной правосубъектностью, отличающейся от правосубъектности своих государств-членов. Относительно данного вопроса, Международный суд ООН в своем консультативном заключении, касавшемся «Возмещения за увечья, понесенные на службе в Организации Объединенных Наций» от 11 апреля 1949 г. отметил, что следует признать, что государства-члены ООН, наделяв ее определенными функциями, а также связанными с ними обязанностями и ответственностью, признали за ней компетенцию, необходимой для эффективного осуществления возложенных на нее функций [5]. Следовательно, Африканский суд по правам человека и народов пришел к выводу о том, что Организация имеет международную правосубъектность. Это не означает, что Организация является государством (по сути она не является государством), или что ее правосубъектность, ее права и обязанности должны совпадать с правосубъектностью, правами и обязанностями государства. Это означает, что международная межправительственная организация (в данном случае Африкан-

ский союз) является субъектом международного права и обладает способностью быть носителем международных прав и обязанностей. При этом, как правило, международные обязательства, вытекающие из договора, не могут распространяться на международную организацию за исключением случаев, когда данная международная организация является участником этого договора или, когда другим способом, признанным международным правом на данную организацию распространяются эти международные обязательства.

В данном случае, Африканский союз не является участником протокола о создании АСПЧН. В качестве юридического лица, международная организация, такая как Африканский союз может являться участником договора, заключенного между государствами только в том случае, когда данный договор содержит прямое разрешение международной организации стать его участницей. Если международная организация не является участником договора, на нее не могут распространяться юридические обязательства вытекающие из данного договора. Данное положение соответствует ст. 34 Венской конвенции 1986 г. о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями, которая гласит, что «договор не создает обязательств или прав для третьего государства или третьей организации без согласия на то этого государства или этой организации». По сути, следовательно, Африканский союз не подчиняется обязательствам, вытекающим из Протокола о создании АСПЧН, за исключением если ему было разрешено стать участником данного протокола и готов на это, что не соответствует действительности. Тот факт, что Африканский союз имеет обособленную правосубъектность не означает, что он может быть рассмотрен в качестве представителя своих государств-членов относительно обязательств, взятых на себя этими государствами-членами на основе протокола о создании АСПЧН.

Суд установил, в связи с этим, что на Африканский союз не может быть подан иск в качестве представителя своих государств-членов в АСПЧН [3]. Следует отметить, что АСПЧН был создан Протоколом 1998 г. и что его компетенция четко определена этим же протоколом. В том случае если жалоба подается гражданином, компетенция *ratione personae* Суда определяется статьями 5 (3) и 34 (6) Протокола, которые гласят, что данная жалоба может быть принята если она подается против государства, которое ратифицировало Протокол и сделало заявление о принятии и рассмотрении Судом жалоб от физических лиц.

Данное рассматриваемое дело, по которому жалоба была подана против международной организации, не являющейся государством, ратифицировавшим протокол и сделавшим специальное заявление, выходит за рамки компетенции Африканского суда по правам человека и народов. Следовательно, Суд не имеет юрисдикции для рассмотрения по существу данной жалобы.

АСПЧН, установив, что не имеет компетенции по рассмотрению данной жалобы по существу, пришел к выводу, что нет необходимости рассмотреть вопрос о ее приемлемости.

References:

1. African Charter on Human and Peoples' Rights, adopted in Nairobi June 27, – 1981. Available at <http://www.achpr.org/instruments/achpr/> (Accessed on 04.09.2017).
2. African Commission on Human and Peoples' Rights v. Great Socialist People's Libyan Arab Jamahiriya. URL: [http://africanlegalcentre.org/download/African%20Court%20/judgments/2013/15%20March%202013%20\[002-2013\]%20African%20Commission%20on%20Human%20and%20Peoples'%20Rights%20v%20Libya%20ACHPR%20\(English\).pdf](http://africanlegalcentre.org/download/African%20Court%20/judgments/2013/15%20March%202013%20[002-2013]%20African%20Commission%20on%20Human%20and%20Peoples'%20Rights%20v%20Libya%20ACHPR%20(English).pdf)
3. Case No. 001/2011 – Femi Falana v. African Union. Available at <http://en.african-court.org/index.php/judges/55-finalised-cases-details/833-app-no-001-2011-femi-falana-v-african-union-details> (Accessed at 04.09.2017).
4. Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Establishment of the African Court on Human and Peoples' Rights. Available at URL: <http://www.achpr.org/instruments/court-establishment/> (Accessed on 04.09.2017).
5. Reparations for injuries suffered in the service of the united nations, ICJ Advisory Opinion of 11 April – 1949. Available at URL: <http://www.icj-cij.org/en/case/4> (Accessed on 04.09.2017).
6. Rules of African Court on Human and Peoples' Rights. Available at URL: http://www.african-court.org/en/images/Basic%20Documents/Final_Rules_of_Court_for_Publication_after_Harmonization_-_Final__English_7_sept_1_.pdf (Accessed at 04.09.2017).

*Prytyka Yuriy Dmitrievich,
Doctorate in law, Proffessor Department of Justice
Law faculty
Taras Shevchenko National University of Kyiv
E-mail: law@cyrkon.kiev.ua*

THE DOCTRINE OF ARBITRABILITY IN THE LAW OF UKRAINE

Abstract: The paper is devoted to the problem of the formation of arbitrability in the legal science and law of Ukraine. The author analyses existing approaches to the definition of the concept, legal nature, elements of arbitrability are explored in science. Special attention is given to the study of objective and subjective arbitrability.

Keywords: arbitrability, International Commercial Arbitration, court, procedural legislation, arbitration.

*Притыка Юрий Дмитриевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры правосудия юридический факультет
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко
E-mail: law@cyrkon.kiev.ua*

ДОКТРИНА АРБИТРАБИЛЬНОСТИ В ПРАВЕ УКРАИНЫ

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования арбитрабельности в юридической науке и праве Украины. Исследуются существующие в науке подходы к определению понятия, правовой природы, элементов арбитрабельности. Особое внимание уделяется исследованию объективной и субъективной арбитрабельности.

Ключевые слова: арбитрабельность, международный коммерческий арбитраж, суд, процессуальное законодательство, арбитраж.

Международный коммерческий арбитраж становится все более востребованным способом разрешения международных коммерческих споров и приобретает все большей популярности в Украине. Так, на официальном сайте Международного коммерческого арбитражного Украины указывается, что к производству за период с 1 января по 31 декабря 2015 года было принято 922 дела, а с 1 января по 31 декабря 2016 года – 553 дела [1]. Развитию этого института, помимо обширной практики, способствуют проводимые многими учеными научные исследования, на-

правленные на теоретическое осмысление проблемных вопросов деятельности международного коммерческого арбитража и анализ источников его регулирования. Среди источников важное место занимает доктрина, которая широко используется в судебной и арбитражной практике.

Проблема арбитрабельности в последнее занимает одно из главных мест в доктрине международного коммерческого арбитража, что, в частности, объясняется процессом реформирования украинского процессуального и арбитражного законодательства. Тенденция повышенного

интереса к вопросам арбитрабельности просматривается и в зарубежной литературе. В частности, Л. Мистелис указывает, что арбитрабельность является многогранной и многоцелевой концепцией, динамику которой, несмотря на ее национальное происхождение, определяет международное право. Она определяет категории споров, которые могут быть перемещены из сферы, связанной с арбитражем, и помещены в область исключительной юрисдикции, установленную для национальных судов [2, С. 7].

В отличие от европейской и американской доктрины арбитрабельности, украинская доктрина находится на этапе ее активного формирования, о чем свидетельствуют появившиеся в последнее время работы ученых, посвященные вопросам понятия арбитрабельности, способам и критериям определения границ арбитрабельности и т. д.

Возвращаясь непосредственно к проблеме доктрины арбитрабельности, прежде всего, нужно установить этимологию слова «доктрина» и определить, что собой представляет данное явление. Философские энциклопедические словари определяют, что доктрина (лат. *Doctrina*, от *docere* учить) — это систематизированное политическое, идеологическое или философское учение, концепция, совокупность принципов. В отличие от почти синонимических понятий «учение», «концепция», «теория» часто употребляется при обозначении взглядов с оттенком схоластичности и догматизма [3, С. 131].

По мнению И. Семенихина правовая доктрина — это обусловленная характером политико-правовой культуры общества система идей и научных взглядов на право, актуальные направления развития правовой системы, признающиеся юридическим сообществом, и являющиеся концептуальным основанием нормотворческой, правоприменительной и правотолковательной деятельности [4, С. 3]. С данной точкой зрения не согласна Е. Евграфова указывая, что «во-первых, в общем смысле этого понятия более точным, является

термин «научно-правовая доктрина», поскольку позволяет четко выделить ее среди государственных актов-доктрин (например «Военная доктрина Украины»). Во-вторых, научно-правовая доктрина не обязательно обусловлена «характером политико-правовой культуры общества», а является автономным, самодостаточным явлением, действие и влияние которого не ограничены временем и границами национальных государств. Такими являются существующие с давних времен доктрины естественного права, народного суверенитета, общественного договора, теологические учения о государстве и праве. В-третьих, не обязательно научно-правовая доктрина должна быть признана «юридическим сообществом», ведь, как свидетельствует история юридической науки, такое сообщество не всегда занимала объективные позиции по вопросам права и государства» [5, С. 54]. Наиболее емким представляется определение, предложенное А. Васильевым, указывающим, что правовая доктрина это совокупность знаний, теорий, идей, понятий, суждений о праве, правовые явления [6, С. 10].

На наш взгляд, понятие доктрины арбитрабельности можно сформулировать как совокупность знаний, научных теорий, концепций, подходов к пониманию понятия арбитрабельности и составляющих ее частей.

Как уже указывалось ранее понятие «арбитрабельность» является достаточно новым для украинской юридической науки, однако оно хорошо разработано в иностранной правовой доктрине. За рубежом теория арбитрабельности детализирована и включает множество аспектов. Арбитрабельность в международной доктрине и практике толкуется в широком и узком смыслах. Арбитрабельность в широком смысле охватывает вопросы, связанные с существованием и действительностью арбитражного соглашения. В узком смысле арбитрабельность определяет категории споров, которые могут быть переданы на рассмотрение международного коммерческого арбитража [7, 132].

Понятие «арбитрабельности», то оно не содержится ни в законодательстве Украины и не используется в судебной практике, однако часто упоминается в научных источниках. Так, например, Г. Кравчук указывает, что понятием «арбитрабельность» определяется круг споров, которые могут быть предметом арбитражного разбирательства [8, С. 15]. При этом арбитрабельность рассматривается как видовое понятие по отношению к институту подведомственности.

Другие же ученые, исследуя правовую природу арбитрабельности обращают внимание на иную составляющую этого явления, указывая, что арбитрабельность является одной из составных частей условий действительности арбитражного соглашения [9, С. 321].

Касательно первого подхода в определении арбитрабельности, то М. Купцова считает, что с одной стороны, поскольку третейские суды, и в частности международный коммерческий арбитраж, входят в юрисдикционную систему Украины как органы защиты гражданских прав, институт подведомственности определяет и фиксирует компетенцию третейских судов так же, как и судов государственных. В этом смысле арбитрабельность является более узким понятием, чем подведомственность, правовым механизмом, который не конкурирует со своим родовым институтом и является лишь одним из элементов института подведомственности, что обеспечивает распределение дел между различными юрисдикционными звеньями (в нашем случае относит, при наличии определенных условий, некоторые категории споров к подведомственности третейских судов). Однако с другой стороны предлагается рассматривать понятие «арбитрабельность – подведомственность» не как «общее-частное», а как взаимодействие родственных понятий, которые, однако, отделены друг от друга, ведь международный коммерческий арбитраж является негосударственным явлением, подчиняющееся государственному праву лишь в отдельных случаях и,

по сути, не является институтом процессуального права [10 С. 41]. Как мы видим, автор фактически отождествляет понятия «подведомственность – арбитрабельность», однако определяет, что эти понятия применяются в различных плоскостях, подведомственность – при характеристике круга споров, которые рассматриваются государственными судами, как органами юрисдикционными, а арбитрабельность – при характеристике споров, рассматриваемых международным коммерческим арбитражем.

В свою очередь, Т. Слипачук определяет, что «в отношении третейских судов институт подведомственности не является применимым в своей классической форме, поскольку одной из основных его характеристик становится такая специфическая черта, как «допустимость» договорной передачи спора конкретному третейскому суду. При этом, поскольку в Украине законодательно разделена компетенция международного арбитража и внутренних третейских судов, на рассмотрение которых споры с иностранным элементом не могут быть переданы, возникает довольно сложная система, в отношении которой такие классические институты процессуального права, как подведомственность, требуют существенной адаптации при их применении» [11, С. 107].

Что касается второго подхода, согласно которому арбитрабельность относят к одной из составных частей условий действительности арбитражного соглашения, то В. Ануров считает, что такой подход не соответствует юридической природе правоотношений, складывающихся между сторонами третейского соглашения и третейским судьей по поводу определения арбитрабельности спора. По мнению ученого, под термином «действительность» понимается свойство материально-правовых отношений сторон на предмет их соответствия применимому праву. Определение третейским судом арбитрабельности спора не имеет характера действия стороны, которое осуществляется в рамках материально-правовой

сделки, поэтому арбитрабельность спора не может рассматриваться как один из элементов действительности третейского соглашения. От воли сторон, а тем более от воли третейского судьи, не зависит наделение спора указанным свойством [12, С. 46]. Представители данного подхода отнесли арбитрабельность к такому условию, как допустимость арбитражного соглашения. Под допустимостью арбитражного соглашения подразумевают соответствие спора, который передан сторонами арбитражного соглашения на разрешение его арбитражным судом, категории споров, которые могут быть предметом арбитражного разбирательства на основании арбитражного соглашения и права, которое применяется в процессе такого рассмотрения. Сформулированная таким образом дефиниция охватывает два других понятия: установление сферы действия третейского соглашения (объем арбитражного соглашения) и непосредственно арбитрабельность. Арбитрабельность в данном случае — это соответствие спора, который передан сторонами арбитражного соглашения на разрешение арбитражного суда, категории споров, которые могут быть предметом арбитражного разбирательства согласно национальному законодательству (страны места арбитражного разбирательства, страны места выполнения) [13, С. 321–322].

Исследуя составные части арбитрабельности, необходимо отметить, что в доктрине арбитража существуют две группы проблем, связанных с видами (элементами) арбитрабельности. Первая касается допустимости участия некоторых субъектов в арбитраже (субъективная арбитрабельность). Вторая группа проблем связана с характером дела (объектом спора), в отношении которого ставится вопрос о том, компетентен ли арбитраж рассматривать такой спор (объективная арбитрабельность). Таким образом, объективная арбитрабельность (*ratione materiae* — основана на объекте) определяет круг споров, способных быть предметом арбитражного раз-

бирательства, и субъективная арбитрабельность (*ratione personae* — основана на личности) определяет способность некоторых субъектов заключать арбитражное соглашение и быть субъектами процесса в международном коммерческом арбитраже.

В немецком и австрийском праве под объективной арбитрабельностью понимается возможность заключения арбитражного соглашения относительно предмета спора; субъективная же арбитрабельность понимается как способность стороны к заключению арбитражного соглашения (что рассматривается в целом как аналог соответствующей процессуальной дееспособности) [14, С. 383].

А. Трунк, говоря об объективной арбитрабельности, указывающей на то, какие виды споров могут быть предметом третейского соглашения, говорит о том, что речь идет о характере материальных правоотношений, передаваемых на разрешение третейского суда [15, С. 128].

В законодательстве разных стран используют два метода закрепления правил арбитрабельности споров, в связи с чем в доктрине выделяют два способа определения арбитрабельности: позитивный и негативный. Распространенным способом установления арбитрабельности является определение правоотношений, которые могут быть предметом третейского (арбитражного) разбирательства. Основной задачей становится выявление характерных свойств, присущих предмету разбирательства, в связи, с чем этот способ называют позитивным. Акцент делается на принадлежность правоотношений к определенной отрасли права или на квалифицирующие признаки отношений. Так, например, российское право указывает на гражданско-правовой характер отношений как на необходимую предпосылку для обращения сторон к третейскому разбирательству. В праве других стран ориентиром выступают законодательно закрепленные признаки правоотношений: экономический интерес

в Германии, имущественный и денежный характер требований в Швейцарии [16, С. 21]. Данный способ справедливо критикуется, поскольку слишком широко определяет круг споров, и соответственно, в таком случае, в международный коммерческий арбитраж могут передаваться неарбитрабельные споры. Поэтому, как отмечает Г. Севастьянов, в праве применяется и другой способ определения арбитрабельности, который состоит в определении конкретных видов правоотношений, которые в случае возникновения спора не могут быть переданы на разрешения арбитража (негативный способ). Такое определение может проводиться либо путем прямого перечня определенных правоотношений, либо путем ссылки на нормативные акты, где этот перечень содержится. Прямое перечисление споров встречается в итальянском праве: дела о личном статусе физических лиц и семейно-брачные дела; в китайском праве, предусмотрен более широкий перечень: семейные дела, наследственные, административные споры, дела об опеке, усыновлении [17, С. 68]. Вместе с тем, способ также имеет свои недостатки, поскольку невозможно на законодательном уровне определить все категории споров, что являются неарбитрабельными. В украинском законодательстве в отношении арбитрабельности международного коммерческого арбитража используется первый способ определения круга дел, подпадающих под юрисдикцию арбитража с применением критерия гражданско-правовые споры с иностранным элементом.

Возвращаясь к вопросу о составляющих элементах (видах) арбитрабельности, стоит отметить, что понимание объективной арбитрабельности и критериев ее определения на уровне международно-правовых актов не сложилось, поэтому на национальном уровне оно по-разному определяется в каждом государстве. В этом плане важное место занимает арбитражная доктрина, которая пытается определить критерии, условия, методы, согласно с которыми решается,

является ли определенный спор арбитрабельным или нет. Так, А. Минина указывает, что в государствах, которым присуща частно-правовая концепция арбитража – Бельгии, Нидерландах, Франции, Испании, странах Африки, Латинской Америки, Среднего Востока, Индонезии, воспринявшие Типовой закон ЮНСИТРАЛ, – арбитрабельность и неарбитрабельность определенных категорий споров установлена на законодательном уровне. За основу принят критерий свободного распоряжения правами. Если общественный (государственный) интерес в спорных отношениях достаточно сильный (отношения регулируются сверх императивными нормами) – спор не подлежит рассмотрению в международном коммерческом арбитраже. Если же такие отношения не возникают, то стороны вправе обратиться в международный коммерческий арбитраж. В странах «общего права» – Англии, США, некоторых странах Азии и Африки, – объём дел, которые допускаются к рассмотрению в международном коммерческом арбитраже, определяется прецедентным правом, посредством, которого установлены исключения из арбитрабельности споров. Как правило, они устанавливаются в тех сферах, которые традиционно находятся в исключительной компетенции государственных судов. Споры, имеют так называемый существенный публичный интерес, признаются неарбитрабельными [18, С. 19–20].

Интересен тот факт, что в странах «общего права» арбитрабельность споров часто расширяется с возникновением нового прецедента. Так, например, в США после вынесения решения Верховным судом по делу *Mitsubishi Motors Corp. v. Soler Chrysler-Plymouth, Inc.* о передаче на рассмотрение Японской коммерческой арбитражной ассоциации споров, включая встречные антимонопольные требования, изменилась арбитражная практика. Суд первой инстанции признал данный спор арбитрабельным, а Окружной апелляционный суд – нет, в связи с большим публичным интересом. В свою очередь Верховный суд США

оставил в силе решение суда первой инстанции и отметил, что распространение американского бизнеса вряд ли будет успешным, если, несмотря на контракты, суды будут настаивать на рассмотрение всех споров с участием американских бизнесменов только в США и только с применением соответствующего «домашнего» права» [19]. Через два года после принятия данного решения Верховный суд США объявил, что споры и требования, связанные с мошенничеством с ценными бумагами также являются арбитрабельными по делу *Shearson/American Express Inc. v. McMahon* [20].

То есть, как мы видим, судебная практика США в арбитрабельности споров относится динамически, то есть, в процессе эволюции общественных отношений и развития бизнеса определенные категории споров могут признаваться арбитрабельными.

Некоторые государства определяют критерии, при которых спор может быть арбитрабельным. Среди таких условий можно назвать: возможность денежной оценки спора, наличие так называемого денежного или коммерческого интереса (Швейцария, Германия, Греция и другие); отсутствие связи спора с личными и семейными или наследственными отношениями (Италия, Китай, Тайвань, Франция, Латвия и другие); отсутствие связи спора с коррупцией или «обманом» (Гонконг, США и другие) [21, С. 20].

Другим видом арбитрабельности является, так называемая, субъективная арбитрабельность, под которой подразумевается способность лица быть субъектом третейского соглашения, то есть иметь право заключать соглашение о передаче частно-правового спора на рассмотрение арбитража. Основой субъективной арбитрабельности является общая правосубъектность лица, которая, в свою очередь, предусматривает материальную правосубъектность (то есть возможность и способность осуществлять гражданско-правовые сделки, а также деликтоспособность лица) и про-

цессуальную правосубъектность (то есть возможность и способность своими действиями защищать свои материальные права в процессуальном режиме) [22, С. 38].

В то же время для возникновения субъективной арбитрабельности недостаточно правоспособности заинтересованного лица. В том случае, если речь идет о физическом лице, необходимо, чтобы такое лицо было еще и дееспособным [23, С. 5].

В данном контексте возникает острый вопрос, о том может ли государство, орган государственной власти или местного самоуправления заключать арбитражное соглашение и быть стороной в арбитражном разбирательстве. Стоит отметить, что согласно ст. 2 Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961 года, которая также ратифицирована Украиной, определяется, что юридические лица, в соответствии с национальным законодательством рассматриваются как «юридические лица публичного права», и имеют право заключать арбитражные соглашения. Однако каждое государство может ввести ограничения данной возможности. В Латвии, например, международным коммерческим арбитражем не могут рассматриваться дела по спорам, в которых в качестве стороны выступает орган государственной или муниципальной администрации [24, С. 159].

Что касается французской доктрины и практики по субъективной арбитрабельности, то сначала субъективная арбитрабельность государства и юридических лиц публичного права определялась французскими судами на основе применимых коллизионных норм, определяющих правоспособность вовлеченных в спор лиц. От этого метода отказались с принятием Кассационным судом Франции постановления от 02.05.1966 по делу Галакис. Субъективная арбитрабельность стала определяться на основе разработанных французскими судами материальных норм. Также с вынесенным постановлением от 24.02.1994 апелляционным судом Парижа по делу Бек Фрер, изменился общий подход французских судов к решению вопроса

о возможности государства и юридических лиц публичного права заключать арбитражные соглашения [25, С. 1244]. В Российской Федерации наличие возможности рассматривать споры, в которых участвуют лица публичного права, в международном коммерческом арбитраже подтверждается практически в решениях МКАС при ТПП РФ, неоднократно заявлявшего о наличии своей компетенции по таким спорам. А отказ в рассмотрении дел с такими субъектами обосновывался отсутствием компетенции с ссылкой на недостатки арбитражной оговорки, и к статусу сторон это никак не относилось [25, С. 1242].

Еще одним дискуссионным аспектом субъективной арбитрабельности является возможность замены сторон в арбитражном соглашении, то есть распространяются ли требования данного соглашения на правопреемников сторон. По данному вопросу также неоднозначной является доктрина в разных странах. С. Лебедев указывает на необходимость распространения на правопреемников условий арбитражной оговорки [26, С. 76]. Против перехода прав по арбитражной оговорке выступает В. Белов, указывая, что арбитражная оговорка не может быть признана обязательным для правопреемников, так как она в собственном смысле является не правом, а способом защиты в случае его нарушения [27, С. 250]. Ученые других стран также не пришли к единому выводу по данному вопросу. Например, в некоторых исследованиях ученых демонстрируется конфликт точек зрения западных юристов по поводу материальных и процессуальных последствий уступки прав по арбитражным соглашениям [25, С. 1243].

Кроме того, развитие международного коммерческого арбитража поставило на повестку дня вопрос о распространении арбитражного соглашения на лиц, которые не являются его сторонами. В доктрине выделяется целая группа правовых оснований для признания того, что не подписавшие арбитражное соглашение лица становятся связан-

ными его условиями и участвуют в арбитражном разбирательстве. К числу таких оснований относятся: агентские соглашения, молчаливое согласие, и «снятие корпоративной вуали», доктрина «группы компаний», предоставление права третьему лицу – бенефициару, правопреемство, цессия, суброгация, гарантия, эстопель и связанные с ним доктрины, последующее одобрение, акционерные отношения, дериватив, базовым активом по которому являются ценные бумаги [28, С. 1142–1205].

Доктрина арбитрабельности включает еще один аспект, касающийся возможности международного коммерческого арбитража, опираясь на заключенное правосубъектными лицами арбитражное соглашение, решить вопрос о собственной компетенции. Поскольку в ходе решения этого вопроса исследуется не только объективная характеристика спора, но и рассматривается субъективный фактор (волеизъявления заинтересованных лиц передать дело на рассмотрение арбитражного суда), то в этом смысле доктрина арбитрабельности оказывается связанной с другой концепцией арбитражного разбирательства – теорией «компетенции компетенции» [29, С. 103].

Итак, как мы видим, доктрина исходит из того, что арбитрабельность включает в себя две составляющие: объективную арбитрабельность (предметная подведомственность дел международному коммерческому арбитражу) и субъективная арбитрабельность (правосубъектность сторон при заключении арбитражного соглашения). Последняя же составляющая затрагивает вопросы действительности самого арбитражного соглашения, а также тесно связана с принципом «компетенции компетенции» международного коммерческого арбитража.

В последнее время украинская юридическая наука переживает всплеск исследований в сфере международного коммерческого арбитража в целом, и арбитрабельности, в частности, что связано, среди прочего, реформированием процессуального законодательства Украины.

Список литературы:

1. Офіційний сайт Міжнародного комерційного арбітражного суду при Торгово-промисловій палаті України. Про МКАС [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: <http://arb.ucci.org.ua/icac/ua/report.html> (дата звернення: 28.07.2017). – Назва з екрана.
2. Mistelis L. Arbitrability – International and Corporative Perspectives. Is Arbitrability a National or an International Law Issue? // Arbitrability: International & Corporative Perspectives / Ed. by L. Mistelis, S. Brekoulakis. Alphen aan den Rijn, – 2009. – P. 7.
3. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. Ф. Ильичев и др. – Москва: Советская энциклопедия, – 1983. – 840 с.
4. Семеніхін І. В. Правова доктрина в системі юридичної науки та практики: автореф. дис. канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 / І. В. Семеніхін. – Х., – 2012. – 20 с.
5. Євграфова Є. Доктрина управовій науці і юридичній практиці / Є. Євграфова // Вісник Національної академії правових наук України. – 2013. – № 2. – С. 52–62.
6. Васильев А. А. Правовая доктрина как источник права: вопросы теории и истории / А. А. Васильев. – М.: Юрлитинформ, – 2009. – 268 с.
7. Fouchard, Gaillard, Goldman. On International Commercial Arbitration. – 1999. – P. 132.
8. Кравчук Г. А. Арбитрабельность споров в контексте статьи 12 Хозяйственного процессуального кодекса Украины // Материалы 2 Международных арбитражных чтений памяти академика Побирченко И. Г. Сборник докладов. МКАС при ТПП Украины. – Киев, – 2015. – С. 15–21.
9. Міжнародне приватне право: підручник / [А. С. Довгерт, В. І. Кисіль, О. М. Бірюков та ін.]; за ред. проф. А. С. Довгерта, проф. В. І. Кисіля; М-во освіти і науки України, Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, Ін-т міжнар. відносин. – 2-ге вид. – Київ: Правова єдність, – 2014. – 656 с.
10. Купцова М. В. Арбітрабельність спорів у міжнародному комерційному арбітражі // Адвокат: загальнодержавний професійний журнал / Спілка адвокатів України; Акад. адвокатури України; Укрінюрколегія. – Київ, – 2012. – № 5 (140). – С. 41–45.
11. Слипачук Т. В. Арбитрабельность международных коммерческих споров в Украине // Вестник Международного коммерческого арбитража. – 2010. – № 1. – С. 105–122.
12. Ануров В. Н. Допустимость третейского соглашения // Третейский суд. – 2005. – № 3. – 46 с.
13. Міжнародне приватне право: підручник / [А. С. Довгерт, В. І. Кисіль, О. М. Бірюков та ін.]; за ред. проф. А. С. Довгерта, проф. В. І. Кисіля; М-во освіти і науки України, Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, Ін-т міжнар. відносин. – 2-ге вид. – Київ: Правова єдність, – 2014. – 656 с.
14. Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. – М.: Волтерс Клувер, – 2005. – 704 с.
15. Трунк А. Объективная арбитрабельность споров и исключительная компетенция государственных судов по германскому праву / А. Трунк // Международный коммерческий арбитраж, – 2005. – № 4. – С. 127–130.
16. Ротко С. В. Теоретические и практические вопросы арбитрабельности споров третейским судам // Администратор суда. – 2014. – № 3. – С. 19–26.
17. Севастьянов Г. В. Подведомственность третейскому суду споров о недвижимом имуществе: современное состояние проблемы // Закон. – 2008. – № 1. – С. 58–74.

18. Минина А. И. Понятие и виды арбитрабельности в теории и практике международного коммерческого арбитража: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / А. И. Минина; науч. рук. В. А. Канашевский. – М., – 2013. – 28 с.
19. *Mitsubishi Motors Corp. v. Soler Chrysler-Plymouth, Inc.*, 473 U. S. 614 (1985) – No. 83–1569 / Электронный ресурс. – Режим доступа: URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/473/614/case.html>
20. *Shearson / American Express v. McMahon*, 482 U. S. 220 (1987) – No. 86–44 / Электронный ресурс. – Режим доступа: URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/482/220/>
21. Минина А. И. Понятие и виды арбитрабельности в теории и практике международного коммерческого арбитража: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / А. И. Минина; науч. рук. В. А. Канашевский. – М., – 2013. – 28 с.
22. Ерпылева Н. Ю. Международный коммерческий арбитраж: правовые основы функционирования // *ВВ: Международное право*. – 2013. – № 1. – С. 1–74.
23. Скворцов О. Ю. К вопросу об арбитрабельности международных коммерческих споров // *Журнал международного частного права*. – 2008. – № 3. – С. 5–6.
24. Бейкер і Макензі: Міжнародний комерційний арбітраж: держави Центральної і Східної Європи і СНД: Навчально-практичний посібник / Відп. ред.: Анджей Тынель, Володимир Хвалей. – М.: БЕК, – 2001. – 503 с.
25. Минина А. И. Понятие и содержание субъективной арбитрабельности // *Актуальные проблемы российского права*. – 2014. – № 6. – С. 1240–1247.
26. Лебедев С. Н. Международный коммерческий арбитраж: компетенция арбитров и соглашение сторон. – М., – 1988. – 122 с.
27. Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве: опыт исторического исследования, теоретической и дипломатической конструкции и обобщения российской судебной практики. 3-е изд. – М., – 2002. – 265 с.
28. Born G. *International Commercial Arbitration*. Alphen aan den Rijn. – 2009. – P. 1142–1205.
29. Курочкин С. А. Современная доктрина международного коммерческого арбитража: тенденции развития // *Третейский суд*. – 2015. – № 4 (100). – С. 96–108.

*Tropin Zakhar Volodymyrovych,
PhD (International Law),
Associate Professor,
Taras Shevchenko National University of Kyiv
International Law Chair of Institute of International Relations
E-mail: zakhar.tropin@gmail.com*

PROBLEM ISSUES OF SETTLEMENT OF INTERNATIONAL DISPUTES UNDER THE UKRAINE–EUROPEAN UNION ASSOCIATION AGREEMENT

*Тропін Захар Володимирович,
к. ю.н., доцент, кафедра міжнародного права Інституту
міжнародних відносин
Київський національний університет
імені Тараса Шевченка
E-mail: zakhar.tropin@gmail.com*

ПРОБЛЕМНІ АСПЕКТИ ВИРІШЕННЯ МІЖНАРОДНИХ СПОРІВ ЗА УГОДОЮ ПРО АСОЦІАЦІЮ МІЖ УКРАЇНОЮ ТА ЄВРОПЕЙСЬКИМ СОЮЗОМ

Як справедливо зазначають дослідники, Угода про асоціацію між Україною та ЄС (далі, Угода про Асоціацію) є без перебільшення найбільш масштабним пакетом домовленостей в історії незалежної України [1]. Цей документ за своїм значенням та масштабами можна порівняти хіба що з пакетом документів про вступ України до СОТ. Хоча й тут порівняння не зовсім рівноцінне оскільки у випадку Угоди про Асоціацію фактично мова йде про один з етапів інтеграції.

Зрозуміло, що такий документ не міг не містити положення щодо вирішення спорів які могли б виникнути з приводу його виконання та тлумачення. Зазначені положення є цікавими не лише як засіб врегулювання можливих суперечок між сторонами договору, але й як засіб посилення інтеграційних процесів між Україною та Європейським Союзом.

Перш за все треба наголосити, що складовою частиною Угоди про асоціацію є Угода про зону вільної торгівлі між Україною та ЄС яка відповідно

є 4 розділом Угоди про асоціацію. Таким чином, структурно в механізм вирішення спорів за Угодою про Асоціацію закладено ще один механізм вирішення торгівельних спорів. Механізм вирішення торгівельних спорів хоча і є текстуально відокремленим від решти угоди, але з огляду на внутрішні перехресні посилання повинен розглядатись як складова частина загального механізму вирішення спорів за Угодою про Асоціацію.

Структура механізму вирішення спорів за Угодою про Асоціацію фактично поділяється на дві великі складові: вирішення спорів щодо торгівлі і пов'язаних з торгівлею питань (Розділ 4) та вирішення спорів щодо загальних питань застосування Угоди про Асоціацію (стаття 477). Перша, у свою чергу, поділяється на: вирішення спорів щодо засобів захисту торгівлі (Глава 2 Розділу 4); вирішення спорів щодо телекомунікаційних послуг (Підрозділ 5 Частини 5 Глави 6 Розділу 4); вирішення спорів щодо антиконкурентних питань

(Глава 10 Розділу 4); вирішення спорів щодо питань сталого розвитку (Глава 13 Розділу 4); загальна процедура вирішення спорів щодо торгівлі і пов'язаних з торгівлею питань (Глава 14 Розділу 4).

Розглянемо особливості зазначених засобів вирішення міжнародних спорів, їх співвідношення між собою, а також місце в загальній структурі Угоди про Асоціацію.

Так, щодо засобів захисту торгівлі Статтею 50 бис впроваджується режим консультацій щодо питань, що можуть виникнути у зв'язку із застосуванням засобів захисту торгівлі: методології обчислення демпінгової маржі, використання статистичних даних, зміни в імпорті, визначення розміру шкоди та застосування правила щодо меншого мита. Передбачається загальний обов'язок проводити консультації якомога швидше (зазвичай протягом 21 днів з дня відповідного запиту). Як ми бачимо, часові межі визначені не жорстко, що дозволяє в певних випадках затягувати процес вирішення спору.

Цікаві положення містяться в Статті 123 Угоди про Асоціацію, яка регулює питання вирішення спорів між постачальниками, що надають електронні комунікаційні мережі або послуги. Так, відповідно до положень цієї статті в разі виникнення спорів між постачальниками, що надають електронні комунікаційні мережі або послуги, щодо прав та обов'язків, які містяться в Угоді про Асоціацію щодо телекомунікаційних послуг, відповідний регуляторний орган на запит сторони угоди має прийняти обов'язкове рішення протягом не більше ніж 4 місяці. У свою чергу можливі суперечки щодо телекомунікаційних послуг між сторонами Угоди про Асоціацію мають вирішуватись відповідно до загальних засобів вирішення торгівельних спорів (Глава 14 Розділу 4).

Стаття 260 Угоди про Асоціацію встановлює режим консультацій як засіб вирішення спорів щодо антиконкурентних дій та злиття. Варто зазначити, що часові межі таких консультацій не встановлені, а інформація, що може передаватись в межах таких консультацій, повинна мати неконфіденційний ха-

рактер. Невизначеність часових меж консультацій може призвести до можливого затягування спорів з питань конкуренції та злиття, а право не передавати конфіденційну інформацію може практично звести нанівець взагалі можливість такого вирішення, адже практично у 100% випадків антимонопольних звернень заявники наполягають на конфіденційному характері інформації. Це є важливим з огляду на неможливість застосувати загальну процедуру вирішення торгівельних спорів (Глава 14 Розділу 4) у цьому випадку.

Режим консультацій також встановлено щодо імплементації положень Глави 13 Угоди про Асоціацію, а саме питань щодо сталого розвитку (торгівля та її вплив на соціальне, економічне та екологічне становище). Це передбачено Пунктом 4 Статті 300 Угоди про Асоціацію [2]. Водночас Статтею 301 забезпечена можливість створення (у випадку неналежного розгляду питання під час консультацій, які були зазначені вище) групи експертів, яка надає свій звіт щодо реалізації положень Угоди про Асоціацію стосовно сталого розвитку. Звіт комісії експертів не є обов'язковим для сторін. Тобто цій частині Угода про Асоціацію передбачає механізм погоджувальної комісії, як вони розуміються та передбачені Статутом Організації Об'єднаних Націй [3] та Конвенцією про мирне вирішення міжнародних зіткнень [4].

Окремо і детально Угода про Асоціацію прописує порядок вирішення загальних спорів щодо торгівлі і питань, пов'язаних з торгівлею (Глава 14 Розділу 4). Так, відповідно до Статті 304 усі спори, з урахуванням положень Угоди про Асоціацію, які безпосередньо передбачають виключення з цього, за Розділом 4 (торгівля та питання, пов'язані з торгівлею) повинні вирішуватись згідно з Главою 14, яка передбачає детальну процедуру вирішення таких спорів. Примітка до Статті 303 окремо наголошує на тому, що положення Глави 14 не можуть застосовуватись щодо рішень або бездіяльності органів створених відповідно до Угоди про Асоціацію [2].

У загальному вигляді процедура передбачена Главою 14 Розділу 4 повторює процедуру, передбачену в СОТ відповідно до Домовленості про правила та процедури вирішення суперечок [5]. Так, Статтею 305 передбачаються обов'язкові консультації як етап, лише після якого можливе створення арбітражної групи. Формування та діяльність арбітражної групи, з урахуванням специфіки Угоди про Асоціацію, в загальних рисах відтворює аналогічні процедури СОТ. Хоча є й певні особливості на які необхідно звернути увагу.

Так, відповідно до Статті 309, у разі виникнення спору щодо енергоносіїв, який є терміновим за своєю природою, передбачена можливість звернення до посередника, який обирається із загального переліку рекомендованих арбітрів. Якщо за допомогою такого посередника між сторонами спору не буде досягнута угода, він повинен рекомендувати спосіб вирішення спору або процедуру вирішення спору та визначити умови, яких мають дотримуватись сторони спору, доки спір не буде вирішено, але не більше ніж 3 місяці.

На відміну від механізмів СОТ, в силу статті 311 Угоди про Асоціацію, постанова арбітражної групи набирає чинності та стає обов'язковою з моменту її повідомлення сторонам спору та Комітету з питань торгівлі. Крім того, Угодою про Асоціацію не передбачено можливість апеляційного оскарження постанови арбітражної групи. Також, заходи, передбачені такою постановою, мають виконуватись сторонами спору безумовно. Єдине, що може стати предметом додаткових процедур — це термін та зміст впровадження таких заходів. Якщо сторони не домовляться щодо такого терміну або конкретного заходу, це питання може бути передано первинній арбітражній групі для вирішення. Якщо ж первинна арбітражна група не може функціонувати, або будь-хто з її членів не може прийняти участь в її роботі, формується нова арбітражна група за загальними правилами.

Цікавим є підхід Угоди про Асоціацію щодо тлумачення її торговельних положень та співвід-

ношення такого тлумачення з відповідними положеннями СОТ. Відповідно до Статті 320 Угоди про Асоціацію, якщо положення угоди аналогічні відповідним положенням Угоди СОТ, які були витлумачені в рішенні Органу з вирішення спорів СОТ — арбітражні трибунали зобов'язані слідувати такому тлумаченню [2]. Крім того, відповідно до Статті 322 більш складна процедура тлумачення застосовується щодо права ЄС. У цьому випадку, якщо виникає питання тлумачення права ЄС, арбітражна група звертається до Суду ЄС з проханням вирішити це питання та призупинити розгляд справи до відповідної ухвали Суду ЄС, яка буде обов'язковою для арбітражної групи в частині тлумачення права ЄС.

Окремо Угода про Асоціацію передбачає процедуру посередництва щодо торговельних питань, яка має певні проблеми щодо свого текстуально-го закріплення в частині визначення кола питань, до яких вона може бути застосована. Так, відповідно до Статті 327, посередництво, передбачене Главою 15 Розділу 4, застосовується до питань визначених Главою 1 Розділу 4, а саме щодо питань національного режиму і доступу товарів на ринки. З іншого боку Пунктом 3 Статті 327 посередництво, передбачене Главою 15 Розділу 4, не застосовується до питань визначених Главами 6–9 та 13 Розділу 4 Угоди про Асоціацію [2]. Таким чином, не зрозуміло чи застосовуються положення Глави 15 Розділу 4 лише до питань Глави 1 Розділу 4 Угоди про Асоціацію, або вони можуть бути застосовані до будь-яких положень Угоди про Асоціацію за виключенням Глав 6–9 та 13 Розділу 4.

Слід звернути увагу на другу складову засобів вирішення спорів за Угодою про Асоціацію, а саме – загальну процедуру вирішення спорів в межах Угоди про Асоціацію. Так, відповідно до Статті 476 сторони угоди домовились проводити консультації щодо будь-якого питання тлумачення, виконання або добросовісного застосування угоди. Крім того, сторони зобов'язались передавати на розгляд Ради асоціації будь-які спори

щодо Угоди про Асоціацію, і Рада асоціації може прийняти рішення, яке буде обов'язковим для сторін. Нагадаємо, що відповідно до Статей 461–463 в межах Угоди про Асоціацію створюється Рада асоціації, яка складається з членів Уряду України, членів Ради Європейського Союзу і членів Європейської Комісії.

Загальна процедура вирішення спорів в межах Угоди про Асоціацію визначена в Статті 477 [2]. Окремо зазначено, що вирішення спорів щодо торгівлі і питань, пов'язаних з торгівлею (Розділ 4) виключені із загальної процедури вирішення спорів і можуть розглядатись лише відповідно до Глави 14 Розділу 4. Загалом можна сказати, що загальна процедура вирішення спорів в межах Угоди про Асоціацію є більше переговорним механізмом ніж ад'юдикаційним. Навіть наявність у Ради асоціації права приймати обов'язкові до виконання рішення щодо можливих спорів не змінює цієї кваліфікації, оскільки Рада асоціації фактично складається з представників сторін, що є підтвердженням його статусу переговорного механізму, а не квазісудового чи квазіарбітражного. Зрозуміло, що ця кваліфікація може змінитись з урахуванням регламенту щодо вирішення спорів, який може бути прийнятий Радою асоціації в межах її повноважень.

Отже, в загальному вигляді механізм вирішення спорів за Угодою про Асоціацію відтворює за-

гальні тенденції сучасного міжнародного права в частині забезпечення можливості вирішення спорів за міжнародними економічними договорами. Втім механізм вирішення міжнародних спорів за Угодою про Асоціацію не позбавлений певних недоліків. Як основний можна назвати відсутність доступу приватних осіб до нього. То ж можна з впевненістю сказати що засоби вирішення міжнародних спорів за Угодою про Асоціацію не стануть тим інструментом, що посилить інтеграційні процеси між Україною та Європейським Союзом так, як це було в самому ЄС завдяки доступу приватних осіб до Суду ЄС.

Крім того, існують певні недоліки щодо закріплення окремих засобів вирішення міжнародних спорів за Угодою про Асоціацію. Наприклад, консультаційні засоби не містять чітких термінів їх проведення, нечітко визначене коло питань з яких може бути застосована процедура посередництва щодо торгівельних питань (Глава 15 Розділу 4) тощо.

З іншого боку, загалом процедура вирішення спорів щодо торгівлі та питань, пов'язаних з торгівлею, передбачена Главою 14 Розділу 4 Угоди про Асоціацію, містить доволі потужний механізм вирішення спорів, який здатний реально забезпечити виконання відповідних положень угоди.

Список літератури:

1. Економічна складова угоди про асоціацію між Україною та ЄС: наслідки для бізнесу, населення та державного управління. Звіт, підготований авт. кол. під редакцією І. Бураковського та В. Мовчан. Київ, – 2014.
2. Угода про асоціацію між Україною та Європейським Союзом [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/984_011/stru#Stru
3. Статут Організації Об'єднаних Націй [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_010
4. Конвенція про мирне вирішення міжнародних зіткнень [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_938
5. Домовленість про правила та процедури вирішення суперечок [Електронний ресурс]. – Режим доступу: URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/981_019

Section 4. Political history

*Heiko Karl Ital,
Associate Professor
German Department of Interpretation & Translation
Hankuk University of Foreign Studies (Südkorea)
E-mail: heikokarlital@hufs.ac.kr*

SOL – SELBSTVERANTWORTLICHES ARBEITEN UND LERNEN

Abstract: Seitdem es Schule gibt, wird über die Wirksamkeit derselbigen nachgedacht, was nicht zuletzt zu zahlreichen Reformvorschlägen mit dem Ziel einer Optimierung des schulischen Outputs geführt hat. Ein in der Praxis oft zu beobachtendes Problem des Schulalltags ist es, dass bei vielen *Schülerinnen und Schülern* [1] ein nachhaltiger Erwerb von Kenntnissen im Rahmen des Unterrichtsgeschehens nicht gewährleistet ist. Ein Konzept, das diesem Phänomen entgegenwirken soll, ist das Selbstorganisierte Lernen (SOL), dessen Wurzeln im Bereich der Wirtschaft liegen und das in diesem Sektor bei der Optimierung von Arbeitsergebnissen beachtliche Erfolge erzielt.

Keywords: SOL, Selbstorganisiertes Lernen, Pädagogik, eigenverantwortliches Lernen.

Das System Selbstorganisiertes Lernen

Laut Herold/Landherr ist Selbstorganisiertes Lernen keine Methode, sondern „ein ganzheitliches, zielorientiertes Lehr-/Lernsystem für individuelles und kooperatives Lernen“ [2, S. 5]. Bei diesem Ansatz werden zwar auch neue Methoden angewandt, jedoch sind diese sowohl in ein inhaltliches als auch in ein pädagogisches Konzept integriert, das zu einer neuen Lern- und Unterrichtskultur führen soll. Die Entwicklung des Selbstorganisierten Lernens basiert zwar auf pädagogischen und psychologischen Forschungsergebnissen, dennoch handelt es sich dabei nicht um ein wissenschaftliches Konzept. Vielmehr gründet es auf der aktuellen Schulrealität und versucht mit Praxisnähe die Schüler auf ihrem Weg zu selbständigerem und selbstverantwortlichem Arbeiten und Lernen anzuleiten [3, S. 4].

Selbstorganisiertes Lernen hat auch Auswirkungen auf das Rollenverständnis zwischen Schülern und Lehrern. Das bedeutet nicht zuletzt, dass über

mehrere Generationen hinweg fest in der Gesellschaft etablierte Schemata von Schule und Lernen neu gedacht werden müssen. In der Schulpraxis bedeutet dies, dass der Lehrer seinen angestammten Platz im Zentrum des Unterrichtsgeschehens räumen muss, da der systemische Ansatz Selbstorganisiertes Lernen die traditionelle Lehrerrolle als Wissensvermittler hin zu der vom Lernberater reformieren will.

Beim Selbstorganisierten Lernen ist beabsichtigt sowohl fachliche als auch überfachliche Kompetenzen an die Schüler heranzutragen, um sie für die Herausforderungen der zukünftigen Berufs- und Arbeitswelt zu wappnen. Außerdem soll dadurch versucht werden den Forderungen der Gesellschaft Rechnung zu tragen, die von der Schule die Heranziehung mündiger, handlungsorientierter Bürger verlangt. Dies kann allerdings nicht durch eine vom Lehrer detailliert geplante Aneinanderreihung diverser Lehr- und Lernmethoden geschehen, sondern setzt gänzlich

erweiterte Kompetenzen auf Seiten der Schüler, eine veränderte Lehrer-/Schülerrolle sowie eine neue Gruppenorganisation voraus, die zu der angestrebten neuen Lernkultur führen [2, S. 5].

Diese neue Lernkultur ist jedoch nicht mit bestehenden hierarchischen bzw. autoritären Führungsstrukturen zu vereinbaren. Die Fraktale Organisation des Selbstorganisierten Lernens orientiert sich ihrem Wesen nach an der Natur. Dabei ist auf Grundlage der Chaos- und Komplexitätsforschung darauf zu verweisen, dass die Selbstorganisationsfähigkeit von Systemen durch überzogene Strukturierungen und stabile Ordnungen zerstört wird. Aus diesem Grund ist ein Zustand begrenzter Instabilität erforderlich, damit Systeme sich selbst organisieren können [2, S. 5].

Ziel von Selbstorganisiertem Lernen ist nicht nur die Aneignung von fundiertem sowie vernetztem Fachwissen gepaart mit individueller und kooperativer Lernkompetenz, sondern auch die Förderung personaler, sozialer und methodischer Kompetenzen.

Im Gegensatz zu dem Selbstgesteuerten Lernen wird beim Selbstorganisierten Lernen berücksichtigt, dass im gegenwärtigen Schulsystem eine umfassende Selbstbestimmung des Lernenden nicht realisiert werden kann. Der Zwangscharakter der Schule sticht sowohl durch die allgemeine Schulpflicht als auch die durch Rahmenpläne vorgegebenen Unterrichtsinhalte hervor. Hier setzt der neue Ansatz ein, der den Schüler im Rahmen der allgemeinen Vorgaben seinen Lernprozess zunehmend selbständig ordnen und strukturieren, mit anderen Worten selbst organisieren lassen will. In welchem Maß diese Zielformulierung von Schülern erreicht werden kann, hängt von Faktoren wie dem Alter und Reifegrad der Schüler, dem angestrebten Bildungsabschluss sowie den methodischen Fähigkeiten der Lehrer ab.

Es ist an dieser Stelle darauf hinzuweisen, dass zwischen methodischen, personalen sowie sozialen Kompetenzen und dem Fachwissen kein Konkurrenzverhältnis zueinander besteht, sondern gerade eine Vernetzung dieser Kompetenzen miteinander

angestrebt wird. Außerdem muss beim Selbstorganisiertem Lernen stets ein ausgewogenes Verhältnis zwischen Individualität und Gruppenwerten gefunden werden, da der individuelle Lernprozess mit dem Erreichen sozialer Lernziele konform sein sollte. Die didaktisch-methodische Grundlage dafür ist das Sandwichprinzip, das aus einem systematischen Wechsel von individuellen und kollektiven Arbeitsphasen besteht. Damit sollen möglichst viele unterschiedliche Lernbedürfnisse, Lerntypen und Lernwege im Rahmen des Unterrichts berücksichtigt werden.

Bei einer Unterrichtseinheit des Selbstorganisierten Lernens wird zunächst auch von einer oder mehreren Problemstellungen ausgegangen. Jedoch wird die Wissensaneignung daraufhin mit einer vernetzten Übersicht initiiert. Während die einzelnen Punkte zunächst recht oberflächlich behandelt werden können, ist besonders auf die Herausstellung der Vernetzungen/Zusammenhänge zwischen ihnen zu achten. Indem man sich mit dem Problem und seinen Strukturen beschäftigt, gelangt man allmählich auch zu der gewollten fachlichen Tiefe. Man spricht in diesem Zusammenhang auch von einer nichtlinearen Didaktik. Dieser Weg, von der Übersicht hin zum Detail, ist für die Schüler wesentlich leichter zu durchschauen, als umgekehrt.

Ausgewählte Elemente des SOL

Im Rahmen dieser Arbeit sollen im unterrichtspraktischen Teil wesentliche Elemente des Selbstorganisierten Lernens analysiert werden. Es handelt sich dabei um den Advance Organizer, die Sortieraufgabe und das Strukturlegen sowie das Gruppenpuzzle, die Bausteine der unteren Stockwerke des „Sandwichhauses“ von Herold/Landherr [2, S. 80] sind und einen entscheidenden Beitrag zum nachhaltigen Erwerb von Kenntnissen leisten sollen. Im Folgenden werden die theoretischen Grundlagen dieser Elemente vorgestellt.

Advance Organizer

Dabei handelt es sich um eine der Wissensaneignung vorausgehende Lern- bzw. Organisationshilfe, die das Fundament selbstorganisierter Lernprozesse

und damit der fraktalen Unterrichtsorganisation bildet. Mithilfe des Advance Organizer wird der Unterrichtsgegenstand der Stunde/Reihe in einer nichtlinearen Struktur visualisiert.

Der Advance Organizer soll den Schülern eine klare übersichtliche Zielorientierung ermöglichen. Ebenso wie ein Auditorium die Gedanken, den Redeaufbau und die Schlussfolgerungen eines Referats besser verstehen kann, wenn das Thema, die Ziele und die Struktur durch den Referenten zu Beginn seines Vortrags bekannt gegeben worden sind, so liegen vor allem bei Schülern in selbstorganisierten Unterrichtsprozessen Orientierung und Lernerfolg eng nebeneinander. Grund dafür ist, dass das menschliche Gehirn die vielen einzelnen Bausteine seines Wissens in Schemata bzw. Modellen organisiert. Herold/Landherr sprechen davon, dass es „kognitive Landkarten“ [2, S. 62] anlegt, um neue Informationen in vorhandene Strukturen aufnehmen zu können und sie miteinander zu vernetzen. Damit wird die Behaltensleistung erhöht (Nachhaltigkeit des Erkenntniserwerbs) und neue Informationen können leichter aufgenommen werden (Effektivität).

Durch die allgemeine Struktur des Advance Organizer fällt es den Schülern leichter das neu hinzukommende Fachwissen mit ihrem bereits vorhandenen Wissen bzw. ihren Grundlagendenkenntnissen zu verknüpfen. Zur Gestaltung einer „Lernlandkarte“ [2, S. 62] kann man kurze Texte, Tabellen, Bilder, Graphiken etc. verwenden. Reine Ablaufpläne oder Zeitraster sind keine Advance Organizer, da durch sie keine Verknüpfungen visualisiert werden können.

Da das menschliche Gehirn nicht alle Informationen, die auf es einströmen speichern kann, werden sie selektiv wahr- und aufgenommen. Der Advance Organizer unterstützt diesen Prozess und hilft somit bei der Auswahl aller relevanten Informationen. Bezogen auf die bereits genannte Einbettung neuen Fachwissens in bereits vorhandene Wissensstrukturen steigen die Lernleistungen bei gleich bleibender Lernzeit um 10 bis 18% [2, S. 64]. Auch trägt

er dazu bei, dass beim Erkenntniserwerb neue Informationen weder falsch aufgenommen noch mit ähnlichen Inhalten verwechselt werden. Auch die Nachhaltigkeit des Erkenntniszugewinns ist umso größer, je länger z. B. die Unterrichtseinheit zurückliegt. Dafür verantwortlich ist das Gerüst, indem die Informationen verankert und durch den Advance Organizer strukturiert sind. Auch die um 10 bis 15% besseren Transferleistungen lassen sich auf die Nutzung eines Advance Organizer zurückführen.

Sortieraufgabe und Strukturlegen

Die Sortieraufgabe und das Strukturlegen dienen im Rahmen des Selbstorganisierten Lernens als individuelle Verarbeitungshilfen für im Unterricht erworbene Kenntnisse. Von dem zuvor behandelten Unterrichtsgegenstand versucht der Lehrer ca. 30 Begriffe auszuwählen, die in einem bestimmten Verhältnis zueinander stehen. Diese werden auf ein DIN-A4 Blatt geschrieben, entsprechend der Anzahl der Schüler vervielfältigt und daraufhin von ihnen ausgeschnitten. Nun werden die Schüler damit beauftragt sich zu jedem der vor ihnen ungeordnet liegenden Begriffe in Form von Einzelarbeit zu fragen, ob sie mindestens einen zusammenhängenden Satz zu jedem der Begriffe sagen können. Wenn ja, dann sollen sie das Kärtchen mit dem jeweiligen Begriff auf einen „weiß ich“-Stapel legen, wenn nicht auf einen „weiß ich nicht“-Stapel.

Man kann davon ausgehen, dass bei dieser Methode, gerade wenn man sie zum ersten Mal mit den Schülern durchführt, einige Kärtchen auf den „weiß ich“-Stapel gelegt werden, wo sie eigentlich dem Kenntnisstand des jeweiligen Schülers entsprechend unangebracht sind. An dieser Stelle sollte der Lehrer nicht zu genau hinsehen, da sich spätestens nach mehrmaliger Anwendung dieser Methode die Einsicht der Schüler herausgebildet haben wird, dass an dieser Stelle eine Verletzung der Spielregeln für sie selbst kontraproduktiv ist.

Daraufhin findet entweder in Partnerteams oder Dreiergruppen eine Fragerunde statt, in der die Begriffe vom „weiß ich nicht“-Stapel geklärt

werden sollen. In dieser Kollektivphase kann sich jeder Schüler mit seinen erworbenen Kenntnissen einbringen.

Nachdem alle Begriffe bei allen Schülern der Klasse geklärt sind, besteht die Möglichkeit mit den Begriffen in Form des Strukturlegens weiterzuarbeiten. Hierbei handelt es sich wiederum um eine individuelle Arbeitsphase, bei der die Schüler die Aufgabe haben die bereits o. g. ca. 30 Begriffe in einer für sie sinnvollen Struktur anzuordnen. Es kann anfangs erforderlich sein, dass der Lehrer bei Fragen der nichtlinearen Anordnung oder der Clusterbildung erläuternd eingreifen muss. Bei den Schülerergebnissen wird es nicht die einzig richtige Lösung geben, sondern jeder Schüler wird mit den Begriffen die für ihn zum derzeitigen Punkt richtige Struktur bilden. Damit kann der Lehrer einen unverfälschten Eindruck in die Gedankengänge der einzelnen Schüler gewinnen. Außerdem hat er die Möglichkeit sich die unterschiedlichen Strukturen erklären zu lassen und über Aufsehen erregende Lösungsmöglichkeiten zu staunen. Sicherlich wird man auch die ein oder andere fachlich falsche Anordnung entdecken, auf die man natürlich korrigierend einzuwirken hat. In einem solchen Fall kann es allerdings problematisch sein, wenn eine von dem entsprechenden Schüler einmal gemachte gedankliche Konstruktion revidiert werden soll.

Ziel des Strukturlegens ist es, neu erworbene Fachkenntnisse individuell zu ordnen und nachhaltig zu speichern. Während eigenhändig erstellte Konstruktionen nach Wochen fast detailgetreu wiederhergestellt werden können, können nur optisch wahrgenommene nichtlineare Anordnungen lediglich bruchstückhaft oder überhaupt nicht rekonstruiert werden. Besonders sinnvoll ist es daher, wenn man selbständig konstruierte Anordnungen z. B. durch Aufkleben der Kärtchen fixiert und eventuell durch Verbindungslinien, Beschriftungen etc. ergänzt, um den Unterrichtsstoff bei Bedarf bestmöglich wiederholen zu können.

Gruppenpuzzle nach Frey-Eiling / Frey [4, S. 50–57]

Herold/Landherr gehen in ihrer Veröffentlichung [2, S. 78 f.] m. E. nur sehr oberflächlich auf das Gruppenpuzzleprinzip ein. Aus diesem Grund werden hier die Forschungsergebnisse von Frey-Eiling/Frey herangezogen, die sich mit der theoretischen und praktischen Erforschung des Gruppenpuzzles mehrere Jahre intensiv auseinandergesetzt haben. Ihre detaillierte Struktur des Ablaufplans und die Phasen der Selbst- bzw. Lernkontrolle erscheinen mir in Bezug auf den Darstellungsschwerpunkt dieser Arbeit besonders funktional zu sein.

Das Gruppenpuzzle wurde ursprünglich von einer Gruppe israelischer und amerikanischer Sozialpsychologen sowie Personen aus der Lehrerbildung entwickelt. Eine der ersten Veröffentlichungen dazu kam von Aronson [5]. Diese Unterrichtsmethode eignet sich besonders gut, wenn man ein größeres Themengebiet bearbeiten will. Dazu unterteilt man die Thematik in mehrere Teile/Puzzlestücke, die möglichst den gleichen Umfang und Anspruch haben. Daraufhin werden in den so genannten Stammgruppen die Puzzlestücke unter den Schülern aufgeteilt. Aufgabe der Schüler ist es ihr Teilgebiet bis zur Perfektion zu bearbeiten. Dies geschieht unter Mithilfe der Expertengruppen, bevor es dann wieder in die Stammgruppen zurückgeht, wo die verschiedenen Puzzlestücke zu einem Ganzen zusammengefügt werden.

Insgesamt besteht ein Gruppenpuzzle aus fünf Elementen, wobei der Lehrer zuerst das Unterrichtsmaterial ausarbeitet, bevor die Schüler dann in vier aufeinander folgenden Schritten damit arbeiten. Dieser Arbeitsprozess ist im Einzelnen wie folgt durchzuführen:

1. Wenn man eine Unterrichtsthematik z. B. in drei Gebiete unterteilt hat, konzipiert man entweder zu jedem der Gebiete eigenes Unterrichtsmaterial oder benutzt herkömmliche Materialien aus Unterrichtsbüchern etc. Dabei ist besonders wichtig, dass sie für die Schüler verständlich und überschaubar sind.

Zu Beginn des Unterrichts wird die Klasse in Gruppen aufgeteilt, die entsprechend der drei Teilgebiete aus drei Schülern bestehen sollten. Innerhalb dieser Stammgruppen werden die Themengebiete untereinander aufgeteilt. Diese Aufteilung kann durch Zuteilung des Lehrers oder aber auch durch Wahl der Schüler erfolgen.

2. Die Schüler bearbeiten nun ihre Unterrichtsmaterialien individuell in den Stammgruppen, was in diesem Fall 1/3 des gesamten Themengebiets ausmacht. Dabei sollten auf den verschiedenen Unterrichtsmaterialien für die Schüler kleine Fragen/Tests zur Selbstkontrolle vorhanden sein, die ihnen zeigen, ob sie den bearbeiteten Unterrichtsstoff verstanden haben oder nicht. Ziel muss es beim Gruppenpuzzle sein, dass sich die Schüler in ihrem Teilgebiet perfekt auskennen und sicher fühlen. Um dies zu gewährleisten, folgt im nächsten Schritt die Expertengruppe.

3. In der Expertengruppe finden sich Schüler mit dem gleichen Teilgebiet zusammen, um das zuvor gelernte zu vertiefen und zu sichern. Falls bei den Schülern der Expertengruppe noch ungeklärte Fragen zur Thematik bestehen sollten, können sie hier mit den anderen Mitgliedern der Gruppe erörtert und geklärt werden. Auch am Ende dieser Arbeitsphase findet eine Lernkontrolle statt.

4. Nun findet bei den Schülern ein Rollenwechsel statt, indem sie in die Rolle einer Lehrperson treten und gemeinsam ihr Expertenwissen didaktisch für ihre Mitschüler aufbereiten. Dabei müssen sie sich überlegen mit welchen Hilfsmitteln sie ihr Wissen am effektivsten weitergeben können. Die Lernziele entsprechen denen, die zuvor an sie selbst gestellt worden sind. Den Erfolg ihrer Unterrichtstätigkeit können sie dann mit einer von zwei Varianten überprüfen. Entweder verwenden sie die zuvor an sie selbst gestellten Kontrollfragen, um das Wissen ihrer Mitschüler zu überprüfen oder sie konzipieren selbst Kontrollfragen bzw. einen Minitest und die dazugehörigen von ihnen erwarteten Antworten. Diese Überprüfung der Mitschüler findet im weiteren Verlauf des Sandwichprinzips gemäß der bereits in Ka-

pitel 2.2.2 beschriebenen Sortieraufgabe nach Herold/Landherr statt, die mir in Kombination mit dem Strukturlegen als besonders geeignet erscheint.

5. Nun gehen die Schüler wieder in ihre alten Stammgruppen zurück, um die zuvor gemachten Planungen in die Praxis umzusetzen. Nach beliebiger Reihenfolge unterrichtet nun jedes Gruppenmitglied mithilfe seines Expertenwissens die anderen Gruppenmitglieder. In dieser Arbeitsphase findet nun parallel in allen Arbeitsgruppen thematisch der gleiche Unterricht statt, der im herkömmlichen Unterricht gemeinsam im Plenum durchgeführt werden würde.

Nachdem nun die Wissensvermittlung in den Stammgruppen stattgefunden hat, geben die Gruppen noch kurze Zwei-Minuten-Statements zu ihrem gemeinsam erarbeiteten Gruppenergebnis. Auf dieser Grundlage erstellt der Lehrer ein Infoblatt, das an alle Schüler ausgeteilt wird und ergänzend zu den von den Schülern angefertigten Heftnotizen zur Sicherung der Arbeitsergebnisse beiträgt [2, S. 79]. Dieses kann z. B. wichtige Überschriften, Visualisierungen, Literaturverweise etc. enthalten. Die gesamte Einheit wird dann mit einer Evaluationsrunde abgeschlossen, bei der man entweder eine Kartenabfrage oder einen Fragebogen verwenden kann. Dabei muss den Schülern klar sein, dass Methoden verändert und der Klasse angepasst werden können, das zuvor vereinbarte Ziele aber nicht revidiert werden können [2, S. 76].

Einsatzmöglichkeiten

Selbstorganisiertes Lernen ist nicht auf spezielle Unterrichtsfächer beschränkt. Jedoch muss sich der Unterrichtsgegenstand innerhalb des jeweiligen Fachunterrichts dafür eignen. Dies ist dann der Fall, wenn die Stoffmenge relativ umfangreich ist und sie sich in verschiedene etwa gleichgroße Teilgebiete aufteilen lässt.

Nach mehrmaligem erfolgreichem Einsatz des Selbstorganisierten Lernens und unter der Voraussetzung, dass auch andere Kollegen an der eigenen Schule Erfahrungen mit diesem systemischen Ansatz gemacht haben, kann man sich an die nächst

höhere Evolutionsstufe heranwagen. Bei einem fächerübergreifenden Projekt übernimmt man die Grundstruktur des Gruppenpuzzles und ersetzt lediglich die Teilthemen A, B, C durch die Fächer A, B, C. Hierfür würde sich beispielsweise das Thema „Energie“ eignen. Im Physikunterricht könnten die Schüler z. B. die technischen Grundlagen der Energieerzeugung kennen lernen, während sie im Sozialkundeunterricht die Diskussion um die Ökosteuer und Umweltzertifikate behandeln und im Kunstunterricht „Energie“ in Form von Skulpturen, Bildern etc. visualisieren.

Wem das nicht genug ist, der kann auch eine fraktale Organisation für eine gesamte Jahrgangsstufe planen. Ein solcher Planungsprozess, bei dem unterschiedliche

Klassen, Fächer und Lehrer zu berücksichtigen sind, ist allerdings äußerst komplex, so dass er nur mit im Selbstorganisierten Lernen erfahrenen Kollegen und Schülern durchführbar ist [2, S. 83 f].

Selbstorganisiertes Lernen ist sicherlich nicht so zu verstehen, dass es das Alternativkonzept für den Unterricht schlechthin ist. Auch die ordnende Funktion des Lehrers im Unterricht darf nicht unterschätzt werden. Es ist aber auf jeden Fall ein Ansatz, der für die Vermittlung methodischer, fachlicher, sozialer und personaler Kompetenzen geeignet ist und nicht nur in der beruflichen Ausbildung, sondern auch in der schulischen Ausbildung zu mehr Selbständigkeit, Selbstvertrauen und Selbstorganisation beitragen sollte.

References:

1. Aus textökonomischen und stilistischen Gründen wird zukünftig nur noch von Schülern gesprochen, ohne das weibliche Geschlecht benachteiligen zu wollen.
2. Herold M. / Landherr B. Selbstorganisiertes Lernen: SOL; ein systemischer Ansatz für Unterricht. Hohengehren, – 2001.
3. Herold M. / Landherr B. Selbstorganisiertes Lernen: SOL; ein systemischer Ansatz für Unterricht. Berlin; Weilheim / Teck, – 2003.
4. Frey-Eiling A. / Frey, K.: „Das Gruppenpuzzle.“ In: Wiechmann, Jürgen (Hrsg.): Zwölf Unterrichtsmethoden. Weinheim; Basel. – 2000.
5. Aronson E. The jigsaw classroom. Beverly Hills. – 1978.

Section 5. Family law

*Belegu Majlinda,
College AAB, Prishtina, Kosova
Assistant professor, Doctor of Law
E-mail: majlinda.belegu@universitetiaab.com*

NECESSARY INHERITANCE BASED ON KOSOVO LEGISLATION

Abstract: Inheritance of property is one of the most important institutes of the civil law. Inheritance in our legal system is done in two ways. Priority is always given to the inheritance of de cujus with testament whereas in cases when there is no testament then inheritance will be done based on the law. All inheritors should be part of inheritance and inheritance is based in some conditions described with this paper. Meanwhile inheritance consists of four steps of inheritance as regulated with the Law on Inheritance. Necessary part of inheritance cannot be overcome even if it donated for humanitarian reasons. Inheritors can be dismissed from inheritance by the inheritors only for the cases foreseen by the law. If someone is dismissed with no reason then he/she as legal inheritor has the right to raise the indictment in the court so the property from deviser is transferred to him/her based on the law – when the dismissal is not based in the law.

Keywords: law, inheritance, inheritor, deviser, court procedure.

Introduction

Inheritance is an ancient social category. Wealth during the development of society has passed through several phases. People had their various properties. It was impossible property to be only a property of a person. That has passed from a person to the other one. Property passed from a person to the other via inter vivos or mortis cause acts. Property passes quite easily to the other person when the owner is alive. Then property goes to the other person through judicial deeds as they are contracts or the court decisions. Object of this paper is the transfer of property via mortis cause through will or law inheritance from deviser to inheritor. According the Law on Inheritance, inheritance is transfer by law or based on the will (testament) of property from a dead person to one or several persons (inheritors or legacy) according to the rules determined by law [9, art. 1].

Inheritance is transfer of property based on law or based on will of the property from a dead person, to one or more persons based on the rules determined with this code. [8, art. 316].

According to the analysis done about the Kosovo Law on Inheritance and the Albanian Civil Code, priority is always given to the inheritance based on the will, whereas if de cuius has not left the will, then inheritance is done through the procedure determined by the law. Although inheritance could be done through the will, no person can dismiss someone from the inheritance except in the cases foreseen with the law. Inheritors and devisers are determined with the law norms where the levels of inheritance are determined. No level can precede the other level if the first levels are alive. The previous level could be avoided only if persons are declared to be unworth to inherit. In case of dismissing of

any person from inheritance then the procedure in court can be initiated by the indicment. Persons that cannot be excluded without being declared unworthy to inherit is called necessary inheritors. According to the positive law not only goods are inherited, there are inherited also the right. They are always inherited also the obligations that deviser left until the moment of death, are accepted.

Inheritance with the law

Law inheritors according to the law are: children of deviser, adopted and their descendants, spouse, parents, sisters and brothers and their successors, grandparents and their successors [8 art. 11]. Law deviser is inherited also by the non married spouse non married spouse is equalised to the married spouse. Non marriage coexistence based on this law is considered society of a non married woman with a non married man that lasted for a long period of time and that ended with the death of deviser, with a precondition fulfilled – validity of marriage. According to inheritance with the law each close inheritor of a level excludes inheritors of more distant level.

Levels of inheritance

Conditions to be law inheritor at the moment of the death of deviser are: 1) blood gender; 2) civil status; 3) the sex of the bride. According to our law there are four levels of inheritance. They are counted taxatively by the Law on Inheritance.

First step – in the first level there belong all children of de cuius (biologic or adopted) as well as at the same level there belongs the de cuius's spouse. All inherit in the equal parts.

Second level – in the second level of inheritance the wealth of deviser that has not left behind successor then he will be inherited by his parents and his spouse. The half of property is taken by his spouse whereas the second half is taken/inherited by his parents in equal parts.

If deviser had no spouse then parents are the only inheritors and the property is divided equally into two parts. If both parents died then the surviving spouse inherits all wealth of the died spouse.

Third level – if both parents of deviser died before deviser and they did not leave successors then the entire property is inherited from the spouse of deviser [9, art. 17].

Property of deviser that didn't leave successors, spouse, parents and if his parents didn't leave other inheritors, then the property is inherited by grandparents.

Half of property inherit grandparents from father side whereas the second half is inherited by grandparents from the mother side [9, art 18].

Fourth level – last level of inheritance happens only if deviser had no inheritors with the testament or law inheritors, then it is considered that the property belongs to the local authorities where the last residence of deviser was.

Necessary inheritance

All survived persons of deviser are potential inheritors to inherit. To each law inheritor it belongs the necessary inheritance part under the circumstances foreseen with the imperative legal provisions even against the will of deviser [1, P. 148].

The necessary inheritance is the inheritance right that law recognizes for the law inheritors [11, P. 63].

Deviser is the only owner of property until he is alive but he cannot be owner after his death. All judicial acts are extinguished with the case of his death. There are extinguished all rights and obligations that deviser had inter vivos. All rights and obligations go to inheritors.

Inheritance law gives priority to the testamentary/will law before it is given to the law inheritance. But judicial doctrine determines that the testamentary/will freedom is not unlimited.

Testamentary freedom is limited since the roman law. It continues to be limited nowadays, as well. When we talk about the testamentary freedom we start from the point that deviser cannot exclude from inheritance a determined number of persons. Deviser cannot exclude none of his inheritors if they are not declared to be unworthy to inherit. In addition deviser cannot exclude levels of inheritance as

well. He should describe and transfer his property to the other persons if he has respected inheritance levels this means he can't go to the next level if he didn't go through the previous one. Parents of devisor cannot inherit if he did not pass property firstly to his children (biologic or adopted).

He is not free to be so generous: beyond some limits that are determined by the necessary inheritance of his relatives. An individual cannot decide as per his desire even in the cases when we talk about humanitarian or social aims [5, P. 872.]. Part of the property on which determined persons have the right on inheritance, on the rights that devisor cannot change with his will, is called the necessary part [3, P. 100].

Inheritors who are not included in the will of devisor and those that have the right on the necessary part have the right to ask for the realization of the right through court procedure.

Necessary part of inheritance

Necessary inheritors according to the Law on Inheritance [9, art.30, par.1] are: successors of devisor, adopted by successors, parents and his spouse.

Grandparents of devisor, brothers and sisters of devisor are necessary inheritors only in case if they are totally disabled to work and do not have living means [9, art. 30, par. 2].

Calculation of necessary inheritance property

Based on our legislation firstly the valuation and inventory of all goods that devisor had in the moment of death is done, counting all dispoable by will and all debts that the others have to him and debts that any inheritor has, with the exclusion of debts that cannot clearly be receivable [9, art. 32, par. 2].

From the value of determined goods that devisor had in the moment of death the total of debts is taken off and the total of all expenses he had until the moment of death. There are also included the barrying expenses of devisor.

To the remaining part the value of all gifts that devisor did in whatever forms in favour of law inheritors, even those given to those that gave up

from inheritance as well as gifts ordered not to be included in the value of inheritor, are added [9, art. 32, par. 4].

The part of calculations are also gifts that had devisor during the last year of his life and that he gave to the persons that are not law inheritors, excluding very simple gifts, are added.

Dismissing from inheritance

With the dismissal of inheritance we should understand the removal of quality of law inheritor done by devisor with the declared last will, so dismissed doesn't win anything from the inheritance property [10, P. 199].

Most of improper behaviour are those of heavy violations. According to the competitive doctrine and the law regulations of some countries: when inheritor has heavily offended or has behaved badly against devisor [11, P. 69]. According to this devisor is violated and against him and his family is committed any criminal act as well as when devisor is improper, or he is having an imoral life violating the norms of moral.

When we talk about heavy criminal acts against devisor we consider that there were conducted crimes against him.

Custom law has foreseen also the dismissal from inheritance. The Canon of Scaenderbeg has foreseen institute of temporary dismissal of inheritor. Canon gives father the right to dismiss a son for heavy guilt when that son doesn't respect these ways [7, art. 847].

There also positive law art.115 regulates the total and partial inheritance.

Total dismissal is the dismissal based on which inheritor cannot inherit anything from property.

Partial dismissal is when inheritor doesn't lose all inheritor rights.

Unworthiness to inherit

Apart the very tight relationships between parents-children society interferes and imposes penalty against unworth inheritor, through dismissal from the property rights of his inheritor. Unworthiness of inheritor even though connected

with the behaviour of *trashegimtarit*, mainly due to the violation of moral rules to become law from the society, again contains judicial incapability to inherit [6, P. 154]. It cannot inherit the unworth person: person that by purpose killed or attempted to kill deviser, his spouse, his children and his parents. Person that has raised false indicement or witnessing. Person who by intimidation, fraud and violence pushed deviser to make, to change or repeal the will or a person that himself compiled a false will or that has used it for his interests or for the interests of the others. Person that against deviser behaved in humiliating way or that mistreated him [8, art. 322, par. 1, 2, 3, 4]. Meanwhile Law on Inheritance has also additional characteristic when “deviser didn’t fulfil the obligation to care or to help deviser” [9, art 111, point. e].

Not in any case it cannot inherit the person declared to be unworth. However all inheritors of unworth person to inherit as the unworth person to inherit has died before deviser. Replacement gives the opportunity to be replaced – levels and the rights of the person being replaced [8, art. 326].

Obstruction on realization of the last will

Obstruction of realisation of the last will of deviser is done in two ways:

- Concealment or destruction of testament;
- Falsification of testament.

Forgiveness of unworthiness

Deviser has the right to forgive unworth person to inherit with the condition that forgiveness is done expressively by will or when forgiveness even not expressively done, inheritor has written in the will that he know his padenjesine but however he has decided to determine him as inheritor [9, art. 113].

Deviser has the right to forgive the unworth person, so he inherits with the condition if the forgiveness is done expressively by a notarial act or by formal will, or when forgiveness even though not done expressively, deviser has written in the will that he knew his unworthiness but however determines him as inheritor [8, art. 324].

According to this we understand that deviser is a person that declares unworth inheritor to inherit his part of inheritance.

If dismissed person from inheritance takes part in the division of the inheritance property and that takes it, then he is obliged to turn back all fruits and all other incomes that derived from the property in inheritance after the opening of inheritance.

Giving up from inheritance

The gave up of testamentary inheritance is classified in cases of judicial incapacity to inherit by will [6, P. 155]. According to Law on Inheritance, art.130, par.1, inheritor may give up from inheritance by a declaration give before the court until the session on inheritance has ended. The gave up is worth also for the successors of the person that gave up from inheritance. In cases when inheritor has expressly declared that gave up from inheritance only in his name then in this case the other inheritors based on the normative order will not be dismissed. When successors are minor and when inheritor has given up then there is no need to ensure the permission from the organ of guardianship. In case when inheritor has given up only in his name, he will be considered as he never was inheritor.

If all inheritors have given up (from the closest levels of inheritance) in the moment of the death of deviser, then to inherit are called successors from the next order of inheritance [9, art. 130].

The give up from inheritance cannot be partial or conditional [9, art 133].

Declaration of giving up from inheritance can be annulled but not revoked. Declaration cannot be revoked because it creates judicial power. If the declaration is revoked then the judicial insecurity will be created and by that the rights of inheritors would be violated. The giving up from inheritance should be done within determined terms (time) [2, P. 63]. Cases when the annulment of the act of giving up is required are those if the giving up was done under the impact of force, humiliation, aberration and fraud. All these as the consequence of the nature of

the will of inheritor. In order to annul the declaration of giving up inheritance person should make a request to court so the court will review inheritance.

Declaration of giving up from inheritance produces retroactive effects.

Prescribing the right to claim inheritance

The right to require inheritance property as inheritor of deviser is prescribed for the possessor with confidence within a year from the date inheritor got to know his right and for the possessor of goods from the inheritance property in every case but not later than 10 years counting time for law inheritor from the date deviser died, whereas for the inheritor with testament, from the day the will was declared [9, art 138, par.1].

Custodian of hereditary property

Court nominates the custodian if inheritor of property is unknown or in cases when inheritor is known but his residence permanent or/and temporary is not known. Custodian is nominated as temporary one. He has duties and authorisations as the inheritance property is like its property or like he was personally inheritor. Thus in most cases the need appears for protection of the inheritance property to be defended and this protection is related to the interests of inheritors, legacies, creditors of inheritors or the state [4, P. 47].

Competent court for this issue is the Principal Court that has started the procedure for opening of inheritance.

Acceptance of inheritance

Transigence passes in two cases without agreement of law inheritor. Law on Inheritance foresees this in the following cases:

- When the municipality appears as inheritor;
- In cases when foreigners are law inheritors (only in cases of reciprocity) when our citizens are recognised as inheritors in the respective state.

Division of inheritance

According to the Law on Inheritance, (art. 139 par. 2), the right on division of the inheritance property doesn't prescribe. The division

of inheritance can require every inheritor at every time, but not in an inconvenient time [9, art. 139, S. 1].

In case the contract is signed with what inheritor gives up from inheritance, the right to require division, as well the provision of the will by which division is not allowed or limited then this division is null. [9, art. 139, par. 3].

Conclusions

Inheritance is one of the most important instruments of the civil law. It has existed since ancient times and it has undergone many changes during different periods of development of the society. Albanian Law has had this regulated before the current legislation, since Civil Code of 1929. It has been regulated by canons and it was regulated generation after generation.

Levels of inheritance have existed since the ancient times also regarding to the Albanians. They have been regulated also with the law on inheritance, respectively with the positive Civil Code. Our system recognizes four levels of inheritance and one level perjashton the next one. First level is composed of children and spouse; second level is composed of parents and the spouse; third level is composed of grandparents and spouse whereas the last level belongs to municipality/state.

Inheritance of *de cujus* is done through will and when deviser has not left the will, inheritance is done based on law.

Deviser cannot behave completely freely with his property because there are some essential conditions of transferring the property and even some of them are taxatively numerated – necessary part and necessary inheritors who do not agree with the will of deviser. Law recognizes necessary inheritors who should be included in inheritance and they are children, spouse and the parents of deviser. Whereas other levels of inheritors are included in the necessary inheritance only if they do not have capacity to act and the inheritor is obliged to take care of them.

Deviser has the right to dismiss inheritors but this happens only in cases when inheritor had an inappropriate behaviour against deviser. Law

on inheritance describes cases when inheritors can be dismissed. When cases are fulfilled so one can be declared unworth, then he will be declared as such. Unworthiness could be total and partial. Deviser is the only person who through the noterial act or through will can return dignity of an inheritor. The right to ask the inheritance property from deviser is prescribed for the possessor with confidence within a year from the date inheritor got information about his right whereas for the other possessors of other

goods in every case but no later than 10 years from that date.

Against the possessor not with confidence this right is prescribed within 20 years.

Court nominates tutor in cases when the owner of property is unknown or for the cases when deviser is known but his residence is unknown.

Tutor is nominated by court as a temporary one. He exercises duties and he has the authority to behave as the property is under his property.

References:

1. Antic, Oliver B. Nasledno parvo. Beograd: NIP Glas, – 2004. – 471 p.
2. Biçoku N. E. Drejta Trashëgimisë e RPSSH. Tiranë: Shtëpia Botuese e Librit Universitar, – 1998. – 143 p.
3. Blagojevic B. Nasledno Pravo. Beograd: Naucna Knjiga, – 1961. – 542 p.
4. Fuga J. Trashëgimi. Tiranë: Shtypshkronja Ilir, – 2002.
5. Galgano F. E Drejta Private. Tiranë: Fondacioni Soros, Luarasi, – 1999. – 971 p.
6. Hakani A. Trashëgimia Testamentare. Tiranë: Botimet Dudaj, – 2010. – 486 p.
7. Kanuni i Skenderbeut, Milot: Editrice La Rosa, – Milot, – 1993.
8. Kodi Civil i Shqipërisë i vitit – 1994.
9. Ligji për Trashëgiminë, i Kosovës nr – 2004. – 26 p.
10. Markovic S. Nasledno parvo. Beograd: NIU”Slizbeni List SFRJ, OOUR”Knjige”. Beograd, – 1981.
11. Podvorica H.E. Drejta Trashëgimore, Prishtinë: Universiteti i Pishtinës, – 2010. – 296 p.

Section 6. Labour law

*Rrahmani Bashkim,
College AAB, Prishtina, Kosova
Assistant professor, Doctor of Law
E-mail: bashkim.rrahmani@universitetiaab.com*

DISCRIMINATION DURING THE HIRING PROCESS OF ACADEMICS IN THE KOSOVO PUBLIC UNIVERSITIES

Abstract: Job openings in most cases are open public calls, through which candidates who feel that fulfill requested conditions undergo the application procedures as requested by the public institution. In principle job openings give equal opportunities to all and with the open call there are cases where priorities are given to specific categories as determined communities or gender, etc. But even if the priority is given to the mentioned categories it should be noted that priority is given only if candidates from these categories fulfill conditions that belongs to the nature of job, in sense of profession, etc. But equal opportunities are not being given even by the institutions we learn about the equality. And right here there is faced discrimination of various types. All forms of discrimination are forbidden by international and national legislation. Consequently also the equal right on access to job, which is treated well by the European Court for Human Rights. Despite this discrimination in the process of hiring in Kosovo is present in both sectors: public and private. Moreover a more harsh form of discrimination is manifested within the open call itself where one can see that to determined candidates is given priority whereas some others cannot even apply; or the application is made impossible for some candidates; or to some application is made possible to apply only, since the open call/job opening doesn't give equal opportunities-it is a formal call. Paper makes an analysis of job opening open calls in which the discrimination (various types) is openly seen and that later on it is practically applied by which we cannot talk about given equal opportunities. Through analysis of legislation and by using comparison method paper finds out all forms of discrimination in the field of employment and the recommendations are given to better solution of this problem.

Keywords: discrimination, employment, opens public call, equality, opportunities.

Introduction

Employment of academic staff in the institutions of high education is done through a long and relatively complicated process. Needs for hiring academic staff are assessed within the academic institution and after this, the public call (job vacancies) is announced. Inner needs assessment for the academic staff is de-

veloped through the process regulated by the statute of the university and in accordance with the Law on High Education and the other laws from the field. In the process of needs assessment there are involved academic units (faculties), Senate and the Board of the University. The process of needs assessment and the organs that develop it differs (in form) from one

to the other university, but the essence is almost similar. Finally, the competent body decides to open the job vacancy for academic staff. Job opening is done through open public call by which there are foreseen general and special conditions which are foreseen to be fulfilled by candidates, so they can be taken into the consideration to be recruited (hired). Job vacancy related to the job is public declaration done by using newspaper, internet, etc., for what candidates can apply [17]. In principle laws everywhere regulate the job vacancy giving to it the same form and format. Candidates are invited to apply for the determined position and equal opportunities are given to all. Otherwise it is considered that there the discrimination is conducted, which can be of various forms and nature. Whereas equal opportunity is a policy which considers employment equality over all candidates and which doesn't allow discrimination based on race, colour, religion, age, social status, nationality, inability or sex [18]. The right to a job is guaranteed by constitution and with the positive legislation. It is regulated with the article 49 of the Kosovo Constitution and it is also regulated by the Kosovo Law on employment. Along with this there is a series of international conventions that regulate and defend the employment right, whereas in addition to the abovementioned in the process of hiring of academic staff in the universities in Kosovo is applied also the Kosovo Law on High Education.

And all of these laws and conventions prohibit discrimination. To clarify this it is further given a description of discrimination according to the Albanian Legislation and the Kosovo legislation. Thus, discrimination is: every action (deed) or non-action of public authorities or physic/judicial persons that take part in the sectors of private and the public life, which create basis for mohimin of equality of a person or of a group of persons, or it exposes them to an unfavored and unfair, when they are under the same or similar circumstances in comparision to other individuals or groups, these deeds contain discrimination [16, par. 2, art. 3]. Discrimination is

every difference, exclusion, limitation or preference under whatever basis determined by article one (1) of this Law, that has the purpose or effect to devalue or outrage recognition, enjoyment or execution, in the same way as the others do, the rights and freedoms recognized by Constitution and the applied laws in the Republic of Kosovo [16, par. 2, art 3]. In the modern societies nonexistence of discrimination is the foundation and the moral obligation (imperative). Nonexistence of discrimination and respect to human rights are the values on which the EU is based, whereas with the international treaties it is foreseen that the EU membership could be required by every European state that respects common (mutual) values. "EU is base in the respect of human dignity, freedom, democracy, equality, rule of law and the respect of human rights, including minority rightst. These values are mutual/common for the memebers of the society where pluralism prevails, where there is no discrimination, where there is tolerance, justice, solidarity and equality between men and women" [3, art. 2].

Discrimination is of various types and it appears in various forms. It is sometimes visible, direct and sometimes hidden, not direct and intermediate. Sometimes it is composed of injustice. Indeed it violates the rights of others in one side, respectively gives preferences to the others on the other side. Sometimes is is characterized with/of action or non action of a material act, whereas sometimes by underestimating or despised respectively by using the worrying vocabulary. Sometimes we have to do with the simple discrimination and sometimes we can talk about a heavy form of discrimination [13].

Whatever type of discrimination is going to be mentioned, it is necessary to be stressed out that the discrimination in the modern world is forbidden by international treaties. Modern legislations determine the notion of discrimination and at the same time and in the same way they determined prevention means and eventual sanctiones when the discrimination appears. By laws and by the constitution

the competent organs which deal with the protection of human rights and against discrimination in addition to the court activities in this regard.

Discrimination is forbidden with the Kosovo Constitution which regulates equality by law as well. By declaring that every person enjoys the equal protection by the law and no discrimination, nobody can't be discriminated on the basis of race, colour, gender, language, religion, political or any other opinion, national or social origin, links to any community, property, social and economic status, sexual orientation, birth, limited abilities or any other status [1, art 24]. Integral part of Kosovo Constitutional system is a number of international treaties which are directly implemented in Kosovo. Constitution has a detailed list of rights and freedoms where it belongs to also the employment right and here are determined the rules of their interpretation, rules of judicial/court protection and the limitations [1, art. 23–53, 53–56].

How is regulated the issue of non-discrimination in the field of labour/employment

The Law on Protection from Discrimination in Kosovo was adopted in 2015. By this law the previous Law against Discrimination (which was in force since 2007) was replaced. This new law has a broader implementation in all fields of life, whereas in regard to employment/labor it goes as follows:

1.1. Condition for access/approach to employment, self-employment and employment in the profession, including the conditions for employment, selection criteria without taking into the consideration the activities at all levels of professional hierarchy, including advancements;

1.3. conditions of hiring and working conditions, including dismissal or termination of contract and the salary;

1.12. access and participation in the science, sport, arts, services and the cultural activities approach...;

1.16. any other right foreseen with the positive legislation [9. art. 2].

As it could be seen from the above the Law on protection against discrimination doesn't describe in details what employer: public or private institution should do in cases when the open call/job openings are published for the vacancies. This issue is in a more detailed way described with the Albanian Law. Thus, when job vacancy appears, employer has no right to specify as the criteria for admission conditions which deal with gender, race, religion, ethnicity, language, political, religious or philosophical opinion, economic situation, education, social or parental status, property, handicap, pertains to any disadvantaged group or for any other reason with the exception of cases foreseen with the article 7 of this law, since this fact would be considered discrimination in the field of labour relations [16, art. 17, par. 1].

What is discrimination in the right to work and profession?

Discrimination in the right to work and to profession appears when a potential candidate is treated differently and with less attention based on characteristics that are not related to merits or with the requirements of the working position. Many international documents have given a lot of interest to this. In this spirit European Court for Human Rights has adopted an approach in its jurisprudence. In case D. H. and others against Czech Republic the Court has declared that "in cases when an applicant has proved a different treatment, it is the government that has to justify that determination of such a case prima facie could be done through statistics" [9].

Studies and the international experience show that discriminatory practice is at most present in the process of employment and within the working process itself: beginning with the public call for application (job vacancy), through procedures of selecting the staff for the determined work place up to working conditions which include/cover work compensation, possibilities for professional and career advancement. Based on this, it is important for the organization to create and keep the competitive position in the market, to ensure working environment in

the principles of “equality to all” where every employee shall feel obliged to contribute the productivity of the organization in accordance with the real capabilities, which fulfil determined requests of the working place and that his/her job shall be paid equally to the job his/her colleagues are paid for the same job [13]. Let us go back to the key problem of the paper. What is the type of the discrimination we are talking about and what is the form it is manifested?

1. Discrimination in essence and not in form;
2. discrimination in form;
3. combined.

Based on the described above, below there are presented cases from the practice so it will be easy for a reader to understand some practical forms of discrimination which appear in the process of hiring the academic staff.

Case 1

In this case we face the type of discrimination where employer (public university) formally respects formal legal criteria. The job vacancy is open and public. Conditions are published and they formally do not exclude any one. Candidates apply equally and the documents are received as foreseen by the job vacancy. But all this and the entire process is totally formal. Why? Decision makers have long in advance already decided for the candidate. Elimination of candidates is done through deeds that could be easily qualified as criminal acts in the ways of discouragement of candidates so they do not participate in the process of recruitment. In the first case preferred candidate has taken the instructions and the questions he/she has to answer during the interview. If interview is only in written form the test with the question is given to the preferred candidate in advance. In the second case, through agitators, it is made known to the not preferred candidates that the candidate (s) is/are already chosen whereas the entire hiring process is just formal. Thus in both case, form and the process are proper but the background and the essence contain discrimination themselves.

Candidate is either selected before or he/she is determined to be selected and it is known that he/she will be selected. The hiring process has served only for the reporting needs.

Case 2

Until recently Kosovo had only one university. After the war it was made possible creation of other public universities and private colleges in the field of high education. The first public university out of Prishtina (Prishtina is the main center (capital) of Kosovo) was Prizren University and afterwards there were created other public universities in Peja, Gjakova, Gjilan and Mitrovica.

It is not the aim of this paper to analyse the importance and the goal of opening of these new universities which to the high extent were opened because the politics wanted this. Public universities established out of Prishtina are transformed very much from branches of Prishtina University to the “independent universities”. Some are separated from the Prishtina University with a short procedure becoming independent universities whereas some got separated gradually from Prishtina University. Whatever the form of separation was taken these universities indeed are not totally independent from Prishtina University. They remain to be dependant in various forms. Dependant on academic staff from Prishtina University. Politically dependent because the politics did not give up from universities.

Dependency on personnel exists and continues to be, being justified by the fact that the newly created public universities have no proper academic staff. But this is an issue which deserves an analysis and which requires a genuine debate. However, dependency on personnel may appear to be needed but surely it is broadened and enlarged from especially Prishtina Public University professors. University of Prishtina, or simply said a group of people that keep the entire decisionmaking in their hands of this university, whose background indeed is government, who keeps as a hostage to a determined level the normal work of the university, at the same time controls the work of

the other public universities of Kosovo. This is done for many reasons. This is done because politics exercise its influence through academic cadre which is engaged in most public universities that are regular professor of the Prishtina University. This is done because of financial interests, as well. A notable number of Prishtina Public University are well paid for the work they do (not) do in the universities outside the Prishtina University. This is done because through them the jobs are created for their preferred people. This is done because they ensure political support in certain periods of time (for example: election times).

Have a look in the so called Pronto [19] scandal which clearly explains why and how the influence is done in these universities. There could be mentioned exclusions, of course.

With the justification that Prishtina University has a history; that has an experience; that has a prepared academic staff, etc., the other (new) public universities due to the lack of academic staff ask for support. Support is required by the Prishtina University. Academic support even though needed, in some ways hides something is not made public. Why and how things are hidden? Agreements in a form as if for example University in Peja or in Gjilan cannot fulfil their needs with the academic staff they have at the disposal, then they ask Prishtina University for support. And how the support is given?

While preparing the beginning of the academic year, job vacancies are open by which it is required the fulfilment of vacant positions. The published job vacancies contain needed conditions to be fulfilled by the candidates, both: general conditions and the specific ones. At the end of job vacancy publications usually there is a provision which underlines that based on agreement the university has with the Prishtina University, priority will be given to the candidates that come from Prishtina University. In the mentioned provisions one can read even more as: candidates from Prishtina University that apply are only obliged to submit a simple request without being obliged to provide any other documentation.

When this is analysed, many questions are raised out of which only few will be underlined. Since there are signed agreements with the Prishtina University why the job vacancies are open (since academic staff can be hired or borrowed directly for Prishtina University)? When the job vacancies are opened publicly isn't that the candidates who are applying are being deceived because it is simply said that priority will be given to the Prishtina University candidates. Why the job vacancies are open publicly and why candidates are invited to apply (when it is known that they will not be treated equally – usually staff is selected based on the signed agreements)? Rectors and deans based on agreements can decide based on the agreements about candidates, for the needs of faculties, subjects, etc. Again why to publish job vacancies and why the discrimination is made public? Shouldn't this at least have been avoided by not being published?

There are many known cases where for example with the job vacancy university (ties) opened the process of hiring a candidate that holds the doctoral degree. And qualified candidate applied but was not approved. He was rejected because with the provision in the published job vacancy (at the end of the publication) there was foreseen an additional condition. And the candidate was rejected because it was requested that the doctoral diploma gained in any university abroad has to be recognized by the Kosovo Ministry of Science and Education. The rejected candidate proves that he has applied in time for the recognition but the Ministry hasn't decided for months. It could be for a year and it could be for years Ministry doesn't decide. All you have is a piece of paper that shows you have applied. But this is not at all enough. What should and what indeed could a doctor of science do in these cases? In the process he is simply rejected. And in the rejection letter he gets an answer with the justification that "doctoral diploma is not recognized". By this candidate is eliminated from the hiring process. All this no matter if he is a much more qualified candidate compared to

many candidates that work at the institution, that is a public one. By being eliminated the candidate at least loses one term that to him is minimum one year lost. This because job vacancies at the universities are not frequent in one side and nobody will guarantee him that he will be hired next year (if he manages to get the recognition of diploma over the lost year). Thus he has been eliminated for some time or forever. But what happened with the job vacancy on which candidate was rejected now? If there was a candidate with the recognized diploma or if there was a candidate that got the doctoral diploma in Kosovo then he/she might have been hired. If there was no candidate then professor from Prishtina University are engaged formally but it is a matter of question if they have given lectures, etc., properly to the students. In most cases and practically on behalf of them the lectures were held by their assistants who unfortunately (with the whole respect on their dignity, etc.) are not prepared compared to the rejected candidates due to the lack of recognition of their diplomas gained abroad. Whereas regarding the quality of many doctors of the Prishtina University a lots of discussions could be developed. Many professors from this university have not managed to take part in any serious scientific conference, congress, etc., and many of them did not manage to publish papers in the verified and recognized scientific journals/magazines in EU or broader [20]. On the other side, eliminated candidates (whose diplomas are not recognized not based on their fault) remain without the job they deserve. Should the competent ministry do something for these issues? Should the ministry be justified from the responsibility for discrimination? Noway it can. It is the ministry responsible to solve the issue of recognition of diplomas. It is their obligation to issue and administrative act by which the diploma recognition process is solved, which is in fact not taken for months and perhaps years. Here in addition should be said. Ministry itself violates the law and the administrative order. Law on Administrative Procedure foresees a period

of one month [21] within which a request should be solved. According to the Administrative Order for Recognition of Diplomas the process of diploma recognition lasts 4 (four) months within which the final decision would be taken. Why then neither one month nor 4 months are not months within which the process of diploma recognition is not finished?

And let's go back to the process and the justification of rejection. We talk about the quality. What is the quality? There could be counted many cases when rejected candidates are absolutely more qualified from a certain number of the professors of University of Prishtina. If we have a look on the CVs of the rejected candidate and the candidate engaged from the Prishtina University, a comparison is worthless to be done because it is simply obvious that rejected candidate is more qualified. But let's again go back to the discrimination against candidates. They are eliminated without being given the opportunity to equal treatment. They do not undergo the evaluation process developed by Academic Commissions. Some of the rejected candidates (not being evaluated even) would have been approved in universities abroad if they applied with the qualities they have. Whereas here a lack of an administrative act (act on diploma recognition) eliminates candidate in an automatic way. Not matter how qualified he/she is. With this kind of rejection the following laws (could be more) are being violated: Law on Administrative Procedures, Law Against any form of Discrimination, European Convention for Human Rights – Protocol 12, etc. Rejected candidate no matter of the fact the he/she has the right to appeal, he/she will not use that right. This because first of all the process in the civil courts will take ages. He/she will not use the right to appeal because that would be a very time consuming process and on the other side those that rejected him just because of this may revenge in other forms in the future. Finally who guarantees him a success? He/she for example may request realization of his right from the Ministry for Education and Science. Concretely for the issue of diploma. According to the

Law on Administrative Procedure the request should be solved within a month. If the competent within the Ministry doesn't answer, he/she has the right to within additional seven days to rikujton that organ that he/she is waiting the answer. And if state organ remains to be silent, he/she has no other choice than to raise the issue before the court based on the so-called administrative conflict (Procedures based on the administrative conflict are developed within a special department of Prishtina Court.) Based on this who is one to decide to raise the issue in court, where the epilogue takes long time and it may happen the case is lost. Thus hard to have candidates that enter into this process.

Case 3

There are similar points with those from case two. Here we talk again with the candidates that were educated abroad and that are discriminated by the ministry because of the fact that they have to wait the process of recognition. Ad the process of recognition is long, toilsome, and not equal for all. Discrimination within the procedure, discrimination of the kohwzgjatje and discrimination based on the basis of where the candidate graduated (private institution or public one). This should be analysed under the context of job vacancies. The recognition of diplomans is a long process, toilsome and sometimes almost impossible one. The answer on why this is a long and a difficult process could be given from various viewpoints. Some talk about diplomas gained abroad with lots of prejudices. Some talk from the fear of competition. The others from the fear of losing their engagements and honorariums. Some because their preferred candidates (their children, friend, clients, etc) are to be in the future potential doctors of sciences, therefore the job will be saved for them. It is hard to get other justifications.

Case 4

A candidate is not at all allowed to enter into the process of hiring of academic staff. University Haxhi Zeka (one of the six public univesrsities) in a Senate meeting took a decision not to review

the applications of candidates that in the past complained against policymaking in this university. On dt. 07.12.2016, a decision (nr 2622) was taken as follows: "candidates that in any form in the past have submitted complaint to the institutions of inspection of education institutions... candidates that have raises the lawsuit in courts against the university, etc., will not be taken into any form of consideration unless they give up from the appealing process, unless they withdraw their indicments in the court... etc" [14, nr 2622, date 17.12.2016]. Who and how can this provision be justified? Who is allowed to forbid someone to apply for a job? Why there was no reaction from the authorities to imposed university anule such decision? There may be raised many other questions related to this decision and yet no appropriate answer. No appropriate answer from the state institutions otherwise it is clear that all national and international documents are violated with that decision. The decision has been taken from a management that simply wanted to impose a silence within and outside university in sense of keeping silence otherwise consequences will be faced. Those that didn't want to be silent were expelled from their jobs and now since they were expelled without respecting legal procedures the silence and the atmosphere of fear should prevail. And these dismissed from jobs won caes in court. Court found out that they were expelled without any judicial basis. Now they are forbidden to apply. They will not be considered at all. This is not only the violation of human rights this is something more. This is against and principle of rule of law. And quite interesting no reaction was seen by authorities and by those responsible to fight for human rights. Those that are in the court processes and the others following administrative procedures in order to protect their rights are not to taken into the consideration. Is this decision based in any law. Of course no, because every person has the equal right to apply for a job. The decision shows that it is the management's intention to prevent others within the University of reacting when the laws and rues

are violated in the university. Thus by forbidding those already in the appealing processes to be equally treated they “prevent” university from other appeals and create a “safe” for clientelism.

Conclusions and recommendations

Process of hiring of new professors is far from being open, transparent, competitive and far from being a process that gives equal opportunities to all. Laws that regulate equal opportunities and that eliminate all forms of discrimination are hardly being implemented. The main reason for this is the clientelism logics and the lack of will to implement laws. Equal opportunities are such that however to one give more opportunities than to the others. This means that some are more equal to the others. He/she is more equal based on the fact that he/she has a labour contract with the public institution or with the University of Prishtina. And this contract gives to one a higher position compared to the other/s. Academic criteria are not the primary or the main condition/reason. Indeed the academic criteria is supposed and only rarely testified to be appropriate.

The process of hiring the academic staff as it is seen has within itself almost every type of discrimination.

There we faced direct, indirect, in essence, in form and hidden forms of discrimination. The Department of Inspection of Education if/when inspecting are far from expectations. At the stage of their developments these inspection departments should be either transformed or a new department (specific one) for the higher education should be created. It is really not thankful to ask and inspector to deal with the quality of papers that university professor publishes. This is not professional and indeed they do not have that capacity to talk about the quality of papers or the performance of university professors.

The higher education in Kosovo should be completely independent and politics shouldn't be allowed to interfere. Then private and the public institutions of higher education should be equal regarding their status. They are not for the time being treated equally. And it is interesting that in many private institutions there are professors that give lectures and they come from the public institutions. They work and they are paid whereas they do not treat in many ways do not have an equal consideration for the private institutions.

References:

1. Constitution of the Republic of Kosovo.
2. Constitution of the Republic of Albania.
3. European Convention on Human Rights. URL: http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf
4. UN – Universal Declaration of Human Rights.
5. Ligji i Punës i Republikës së Kosovës (Kosovo Labour Law).
6. Statute of the University of Prishtina.
7. Statute of University “Haxhi Zeka” Peja.
8. Statute of “Ukshin Hoti” University Prizren.
9. Kosovo Law Against of any form of Discrimination.
10. Bujupi Hava. E Drejta e Punës (Labour Right), Prishtinë, – 2005. – 248 p.
11. Çela Kudret. E Drejta e Punës (Labour Right) I, Tiranë – 2000. – 208 p.
12. Çela Kudret. E Drejta e Punës II, Tiranë – 2000. – 223 p.
13. CEDEM Zabрана diskriminacije, propisi i praksa u Crnoj Gori (Forbiding discrimination, provisions and practice in Monte Negro), Podgorica – 2012.
14. Senate Decision of “Haxhi Zeka” University, dt. 07.12.2016, decision nr 2622.
15. Job vacancies published by the public universities in the daily newspapers in Kosovo.
16. Law Against all forms of Discrimination in Albania.
17. URL: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/job-advertisement>, accessed: September 30, – 2016.
18. URL: [http://blog.duapune.com/2009/05/\(equal-opportunities\)mundesi-te-barabarta-punesimi/](http://blog.duapune.com/2009/05/(equal-opportunities)mundesi-te-barabarta-punesimi/) -accessed: September 29, – 2016).

19. Pronto is a term used for a series of eavesdrops published by portal Insajderi. From the eavesdrops that were done by the competent state organs it could be easily seen how the determined politicians interfered in the work of the public universities. There you could see how the chief of the PDK Parliamentary group of Democratic Party of Kosovo through phone, orders, nominates people from mainly his political party in the leading positions, in the boards of universities, etc. More about this one can see at the Insajderi web page.
20. ORCA – is an organization established in 2016 with the aim of increasing quality in education with the main focus university education. ORCA is active in monitoring academic processes of higher education in Kosovo and in reacting with the intention of improving the quality of teaching in the public university.
21. Kosovo Law on Administrative Procedure (26.05.2016).

Contents

Section 1. Commercial Law	3
<i>Shirokova Evgeniya Vladimirovna</i> THE UNIFIED IMMOVABLE PROPERTY COMPLEX: PROBLEMS OF REGULATION AND POSSIBLE WAYS OF SOLVING THEM.	3
Section 2. International relations	6
<i>Çuka Ersida</i> TERRORISM AND GLOBAL SECURITY	6
<i>Karapetyan Mkrtich</i> THE RE-ACTIVATION OF THE KURDISH ELEMENT IN TURKISH-SYRIAN RELATIONS.	10
Section 3. International law	16
<i>Bardeev Konstantin Andreevich</i> THE PROBLEM OF IMPLEMENTATION OF THE GENEVA CONVENTIONS FOR THE PROTECTION OF WAR VICTIMS OF 1949	16
<i>Bukuru Jean-Baptiste</i> JURISPRUDENCE OF THE AFRICAN COURT OF HUMAN AND PEOPLES’ RIGHTS TOWARDS INTERNATIONAL ORGANIZATION: CASE “FEMI FALANA V. AFRICAN UNION”	21
<i>Prytyka Yuriy Dmitrievich</i> THE DOCTRINE OF ARBITRABILITY IN THE LAW OF UKRAINE.	26
<i>Tropin Zakhar Volodymyrovych</i> PROBLEM ISSUES OF SETTLEMENT OF INTERNATIONAL DISPUTES UNDER THE UKRAINE–EUROPEAN UNION ASSOCIATION AGREEMENT	35
Section 4. Political history	39
<i>Heiko Karl Ital</i> SOL – SELBSTVERANTWORTLICHES ARBEITEN UND LERNEN	39
Section 5. Family law	45
<i>Belegu Majlinda</i> NECESSARY INHERITANCE BASED ON KOSOVO LEGISLATION	45
Section 6. Labour law	51
<i>Rrahmani Bashkim</i> DISCRIMINATION DURING THE HIRING PROCESS OF ACADEMICS IN THE KOSOVO PUBLIC UNIVERSITIES	51